

Аглавена и Селизета.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МЕЛЕАНДРЪ.

АГЛАВЕНА.

СЕЛИЗЕТА.

МЕЛИГРАНА, бабушка Селизеты.

МАЛЕНЬКАЯ ИССАЛИНА, сестра Селизеты.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЗАЛЪ ВЪ ЗАМКѢ.

Въ глубинѣ зала Мелиграна спитъ въ креслѣ съ высокой спинкой.
Входятъ Мелеандръ и Селизета.

Мелеандръ. Письмо отъ Аглавены! Читаетъ. Не выѣжайте меня встрѣчать. Ждите меня въ залѣ, гдѣ вы обыкновенно дожидаетесь, когда пробьетъ часъ отдыха и гдѣ я не буду чувствовать себя чужой. Пишу вамъ это, покидая корабль, который доставилъ меня сюда. Переѣздъ былъ очень хорошъ и спокоенъ, но сойдя съ корабля, я узнала, что дороги размыты дождями. Солнце зайдетъ вѣроятно раньше, чѣмъ я увижу башни стараго замка, въ которомъ добрая Селизета захотѣла пріютить вдову своего брата...

Селизета, хлопая въ ладоши. О! Солнце заходитъ!.. Посмотри же! Она должна быть близко!.. Я пойду посмотрю!..

Мелеандръ, удерживая ее жестомъ и продолжая читать.
...Я васъ видѣла всего одинъ разъ, Мелеандръ, среди

хлопотъ и суеты на моей свадьбѣ... Увы, на моей несчастной свадьбѣ, на которой мы не замѣтили гостя, котораго никогда не приглашаютъ и который всегда усаживается на мѣсто, приготовленное для счастья. Я васъ видѣла всего одинъ разъ три года тому назадъ, и все же я ѣду къ вамъ съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ еслибъ мы еще дѣтми спали въ одной колыбели

Селизета, оборачиваясь. А бабушка все еще спитъ.. Будить ее, когда Аглавена пріѣдетъ?

Мелвандръ. Да, она просила.

Селизета. Ея сѣдые волосы падаютъ ей на глаза. Сегодня вечеромъ она не выглядитъ счастливой... Я пойду поцѣлую ее.

Мелвандръ. Осторожнѣе — не разбуди ее раньше времени. Продолжая читать ...Я такъ увѣрена въ томъ, что найду себѣ брата... Мы почти ничего не сказали другъ другу, но тѣ нѣсколько словъ, которыя я слышала отъ васъ, были такъ непохожи на все, что я слышала до тѣхъ поръ отъ другихъ...

Селизета. Не читай такъ скоро!

Мелвандръ, продолжая читать. ...А потомъ мнѣ хочется поскорѣе расцѣловать Селизету... Я увѣрена, она человѣкъ добрый и прекрасный, потому что любить васъ, а вы любите ее. А я буду любить такъ, какъ вы никогда не сможете... Я способна любить сильнѣе — я была несчастна... А теперь я благословляю свои страданія, потому что я могу подѣлиться съ вами тѣмъ, что постигается въ горѣ. Мнѣ иногда кажется, что той дани, которую я заплатила, хватить на насъ троихъ, и судьбѣ больше нечего будетъ требовать отъ насъ, и мы можемъ надѣяться на большое

счастье. У насъ не будетъ никакихъ заботъ, будетъ только счастье... И для васъ, и для меня, а также и для Селизеты, насколько я могу судить по тому немногому, что я знаю о ней отъ васъ, счастье заключается лишь въ томъ, что есть наилучшаго въ нашей душѣ. У насъ не будетъ другихъ стремлений, какъ сдѣлаться насколько возможно болѣе прекрасными, чтобы всѣмъ троицъ еще сильнѣе полюбить другъ друга. Мы прольемъ другъ въ друга и вокругъ насъ столько красоты, что не останется больше мѣста ни для горя, ни для несчастья. Если же, несмотря ни на что, они ворвутся къ намъ, то прежде, чѣмъ постучаться къ намъ въ двери, они должны будутъ сдѣлаться такими же прекрасными...

Дверь отворяется, входитъ маленькая Иссалина.

Иссалина. У меня ключъ, сестренка, у меня ключъ!

Мелеандръ. Какой ключъ?

Селизета. Отъ стараго маяка.

Мелеандръ. Я думалъ, что онъ потерянь.

Селизета. Я велѣла сдѣлать другой.

Мелеандръ. Желаю тебѣ потерять и этотъ!

Селизета, осматривая ключъ. О, какой онъ большой... Онъ не похожъ на тотъ, который я потеряла...

Иссалина. Сестренка, я была тамъ, когда его пробовали... три раза открывали дверь, а потомъ ее заперли... и онъ оказался гораздо лучше стараго ключа, который былъ совсѣмъ заржавленный. Но въ послѣдній разъ дверь затворили съ трудомъ, такъ какъ вѣтеръ толкалъ ее съ другой стороны... Сегодня вечеромъ страшный вѣтеръ... Вокругъ

башни съ крикомъ летаютъ чайки... И голуби тоже... Они до сихъ поръ еще не слетѣлись.

Селизета. Они ищутъ меня,—вогъ уже больше двухъ недѣль, какъ они меня не видали тамъ наверху... Я взберусь туда завтра.

Иссалина. И я съ тобой, сестренка?

Селизета. Хорошо, если только ты сейчасъ же пойдешь спать. Няня ждетъ тебя... Иссалина уходитъ. Она красива?

Мелеандръ. Кто?

Селизета. Аглавена.

Мелеандръ. Да, она очень хороша.

Селизета. На кого она похожа?

Мелеандръ. Она совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ... Это красота совсѣмъ особенная, болѣе необыкновенная и болѣе духовная, красота болѣе измѣчивая, болѣе разнообразная, если можно такъ выразиться, красота, которая позволяетъ видѣть душу, никогда не затмевая ее... И потомъ... ты увидишь—у нея очень оригинальные волосы—можно подумать, что они принимаютъ участіе во всѣхъ ея мысляхъ... Они и улыбаются и плачутъ смотря потому, грустна она или весела, даже и тогда, когда она сама еще хорошенько не знаетъ, счастлива она или несчастна... Я никогда не видалъ, чтобы волосы могли такъ жить. Они какъ бы постоянно выдаютъ ее, если выдать, значить, обнаружить ту красоту, которую она хотѣла бы скрыть, такъ какъ больше ей скрывать нечего...

Селизета. Я знаю, что я некрасива...

Мелеандръ. Ты не будешь больше такъ говорить, когда она будетъ здѣсь. Въ ея присутствіи нельзя говорить

о томъ, чему сама не вѣришь, или о вещахъ бесполезныхъ...
Она гаситъ вокругъ себя все, что не есть истина.

Селизета. Она гаситъ вокругъ себя все то, что не
есть истина...

Мелеандръ. Селизета?..

Селизета. Мелеандръ?

Мелеандръ. Кажется, вотъ уже четыре года, какъ мы
живемъ вмѣстѣ...

Селизета. Да, въ концѣ лѣта исполнится четыре года.

Мелеандръ. Вотъ уже почти четыре года, какъ я живу
подлѣ тебя, всегда прекрасной, любящей, нѣжной, съ доброй
улыбкой глубокаго счастья на лицѣ... Ты вѣдь не особенно
часто плакала за эти четыре года... правда? Самое большое,
если ты пролила нѣсколько слезинокъ надъ своими птичками,
которыя улетали отъ тебя, надъ увядшими любимыми цвѣ-
тами или когда старая бабушка принималась ворчать на
тебя. Но птичка возвращалась, о цвѣтахъ забывалось, ба-
бушка успокаивалась, и ты снова, весело смѣясь, вбѣгала
въ залу: хлопали двери, распахивались окна, опрокидыва-
лись вещи, а ты сама прыгала ко мнѣ на колѣни, цѣлуя
меня, точно маленькая дѣвочка, вернувшаяся изъ школы.
Я думаю, можно сказать, что мы были счастливы, и все
таки порою я задаю себѣ вопросъ: были ли мы достаточно
близки другъ къ другу?.. Не знаю, у меня ли не хватало
терпѣнія слѣдовать за тобой или ты слишкомъ стремительно
шла впередъ, но очень часто, когда я пытался говорить съ
тобой такъ, какъ сегодня, ты отвѣчала мнѣ словно съ другого
конца свѣта, куда ты запрятывалась отъ меня по причи-
намъ, которыхъ я не могу понять. Неужели же мы въ самомъ
дѣлѣ боимся малѣйшей серьезности и правды въ любви?

Сколько разъ отдаляли мы отъ себя возможность приблизиться къ чему-то болѣе прекрасному, что соединило бы насъ гораздо ближе, чѣмъ поцѣлуй... Не знаю, почему я все это чувствую особенно сильно сегодня вечеромъ. Можетъ быть, причина въ болѣе живомъ воспоминаніи объ Аглавенѣ, вслѣдствіе ея письма или ея пріѣзда,—уже одно это какъ бы освобождаетъ что-то въ нашихъ душахъ. Повидимому, мы любили другъ друга такъ, какъ только можетъ любить человѣкъ. Но когда она будетъ здѣсь, мы будемъ любить гораздо сильнѣе, совсѣмъ по другому, гораздо глубже, ты увидишь... Я главнымъ образомъ потому такъ и радъ ея пріѣзду. Одинъ я не могъ... У меня нѣтъ той силы, которая есть у нея, хотя я и мыслю одинаково съ ней. Она одно изъ тѣхъ существъ, которыя умѣютъ сливать душу съ ея источникомъ, и въ ея присутствіи не чувствуешь больше никакой претрады между собой и тѣмъ, что есть истина...

СЕЛИЗЕТА. Ну, и люби ее, если ты ее любишь, а я уйду!

МЕЛЕАНДРЪ. Селизета!..

СЕЛИЗЕТА. Я знаю, что я ничего не понимаю...

МЕЛЕАНДРЪ. Ты отлично понимаешь, Селизета, но только не хочешь этого показать, и я это знаю, потому и говорю съ тобой объ этихъ вещахъ. У тебя душа гораздо глубже, чѣмъ та, которую ты мнѣ показываешь, и ты забавляешься тѣмъ, что прячешь ее отъ меня, когда я стараюсь въ нее заглянуть... Не плачь, Селизета, это не упреки съ моей стороны.

СЕЛИЗЕТА. Я не плачу... О чемъ мнѣ плакать?

Мелвандръ. А между тѣмъ я вижу, что твои губы дрожать.

Селизета. Я думала совсѣмъ о другомъ. Правда, что она была такъ несчастна?

Мелвандръ. Да, правда, она была очень несчастна съ твоимъ братомъ.

Селизета. Очень возможно, что она этого заслуживаетъ...

Мелвандръ. Я не знаю, можетъ ли вообще заслуживать какая-нибудь женщина несчастья...

Селизета. Что ей сдѣлалъ мой братъ?

Мелвандръ. Она умоляла меня не говорить тебѣ этого...

Селизета. Вы переписывались?

Мелвандръ. Да, мы иногда писали другъ другу.

Селизета. Ты мнѣ никогда не говорилъ объ этомъ.

Мелвандръ. Я много разъ показывалъ тебѣ ея письма, когда получалъ ихъ, но ты ни разу не поинтересовалась прочитать...

Селизета. Я что-то не помню этого...

Мелвандръ. А я помню.

Селизета. Гдѣ ты ее видѣлъ въ послѣдній разъ?

Мелвандръ. Я уже говорилъ тебѣ, что видѣлъ ее всего одинъ разъ—это было въ паркѣ при замкѣ твоего брата... Подъ большими деревьями...

Селизета. Вечеромъ?

Мелвандръ. Да, вечеромъ.

Селизета. О чемъ она говорила?

Мелвандръ. Мы очень немного сказали другъ другу, но поняли, что оба стремимся къ одной и той же цѣли...

СЕЛИЗЕТА. Вы цѣловались?

МЕЛЕАНДРЪ. Когда?

СЕЛИЗЕТА. Да въ тотъ вечеръ...

МЕЛЕАНДРЪ. Да, при прощаньи...

СЕЛИЗЕТА. А!..

МЕЛЕАНДРЪ. Мнѣ кажется, Селизета, что она недолго останется съ нами....

СЕЛИЗЕТА. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу, чтобы она осталась... Шумъ на дворѣ. Это она! Она бѣжитъ къ окну. Вонъ факелы на дворѣ...

Пауза. Большая дверь открывается и на порогъ показывается Аглавена. Она входитъ, не говоря ни слова, и направляется къ Селизетѣ, на которую смотреть.

МЕЛЕАНДРЪ. Поцѣлуйте.

АГЛАВЕНА. Да. Она долго цѣлуетъ Селизету, потомъ направляется къ Мелеандру, котораго также цѣлуетъ. И съ вами также!

СЕЛИЗЕТА. Я разбужу бабушку.

АГЛАВЕНА, глядя на Мелиграну. Она спитъ такъ крѣпко...

МЕЛЕАНДРЪ. Она спитъ такъ большую часть дня... У нея парализованы руки... Подойдите къ ней, она хотѣла васъ повидать сегодня же вечеромъ.

АГЛАВЕНА, беря за руку Мелиграну и наклоняясь къ ней. Бабушка...

МЕЛИГРАНА, пробуждаясь. Селизета... Открывая глаза. Кто вы?

АГЛАВЕНА. Аглавена...

Мелиграна. Я такъ испугалась...

Аглавена. Позвольте васъ поцѣловать, бабушка?...

Мелиграна. Вы меня называете бабушкой? Я васъ не вижу хорошенько... Кто это тамъ позади васъ?

Селизета, приближаясь. Это я, бабушка.

Мелиграна. Ахъ, это ты, Селизета... Я тебя не видѣла... Подвинь немножко лампу, дѣтка...

Селизета приноситъ лампу и освѣщаетъ Аглавену.

Мелиграна, оглядывая Аглавену. О, вы прекрасны!..

Аглавена. Теперь можно мнѣ поцѣловать васъ, бабушка?

Мелиграна. Нѣтъ, не цѣлуйте меня сегодня... я чувствую себя хуже обыкновеннаго... и только одна Селизета можетъ дотрагиваться до меня, не дѣлая мнѣ больно...

Аглавена. Я тоже хочу научиться не дѣлать вамъ больно...

Мелиграна, пристально глядя на нее. Не знаю, позволительно ли быть такой красавицей?

Аглавена. Напротивъ, бабушка, нужно быть какъ можно красивѣе.

Мелиграна. Поцѣлуй меня, Селизета, прежде чѣмъ я засну и отодвинь лампу... Я спала такъ крѣпко и мнѣ снилось...

Селизета, возвращаясь съ лампой. Вы извините ее,—она нездорова...

Аглавена. За что извинить, Селизета?—Вы что-то потеряли... Что это упало на полъ? Она поднимаетъ ключъ. Какой страшный ключъ...

СЕЛИЗЕТА. Это ключъ отъ моей башни... Вы не знаете, что онъ отпираетъ?..

АГЛАВЕНА. Онъ очень странный и тяжелый... Я тоже привезла съ собой золотой ключикъ—я вамъ покажу. Нѣтъ ничего прекраснѣе ключа, пока не знаешь, что онъ отпираетъ...

СЕЛИЗЕТА. Вы это узнаете завтра... Замѣтили вы, подъѣзжая сюда, въ самомъ концѣ замка старую, престарую башню, съ развалившейся верхушкой?

АГЛАВЕНА. Да, я замѣтила какія-то развалины, и звѣзды виднѣлись сквозь расщелины стѣнъ.

СЕЛИЗЕТА. Ну да, это и есть моя башня—старый покинутый маякъ. Никто уже не осмѣливается подниматься на нее... Туда надо идти длиннымъ коридоромъ, отъ котораго я нашла ключъ. Но я его потеряла и велѣла сдѣлать вотъ этотъ, такъ какъ кромѣ меня никто не входитъ туда. Иногда только меня сопровождаетъ маленькая Иссалина. Мелеандръ же поднялся на нее всего одинъ разъ, и у него закружилась голова. Это очень высоко—вы увидите. Оттуда видно все море—оно пѣнится вокругъ всей башни, кромѣ одной стороны, которая обращена къ замку. Морскія птицы населили расщелины ея стѣнъ. Онѣ испускають громкіе крики, когда завидятъ меня. Живутъ тамъ также сотни голубей... Ихъ хотѣли выгнать оттуда, но они не желаютъ покидать башни и возвращаются снова... Вы устали?

АГЛАВЕНА. Да, немного, Селизета, я вѣдь сдѣлала большое путешествіе.

СВЛИЗЕТА. Да, правда... Мы поднимемся на башню завтра, къ тому же сегодня вечеромъ страшный вѣтеръ.

Молчаніе.

Мелеандръ. Странно, Аглавена... мнѣ надо было такъ много сказать вамъ... а теперь въ эти первыя минуты все молчить во мнѣ... и, право, кажется, точно ждешь чего-то...

Аглавена. Ждешь, чтобы молчаніе заговорило...

Мелеандръ. Что оно говоритъ вамъ?

Аглавена. Если бы можно было повторить то, что оно говоритъ намъ—оно бы уже не было больше молчаніемъ, Мелеандръ... Мы произнесли всего нѣсколько болѣе или менѣе безразличныхъ словъ, которыя говорятся почти всѣми, а между тѣмъ, развѣ мы не спокойны и не сказали другъ другу больше, чѣмъ могли бы выразить словами? Мы сказали всего нѣсколько незначительныхъ словъ, которыми обмѣниваются при встрѣчахъ незнакомцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кто можетъ знать навѣрное все то, что произошло сейчасъ между нами троими, когда, быть можетъ, однимъ изъ этихъ словъ опредѣлилась наша дальнѣйшая судьба. Существуетъ ли такой удѣлъ на землѣ, который бы не былъ затронутъ словами? Навѣрное я знаю только одно,—молчаніе предсказало мнѣ, что я буду любить Селизету, какъ младшую сестру. Оно прокричало мнѣ это изъ самой глубины души, съ самыхъ первыхъ шаговъ моихъ въ этомъ залѣ, и это единственный голосъ, который я хорошо слышала. Притягивая къ себѣ Селизету. Почему, Селизета, вы заставляете такъ любить васъ и плакать противъ воли, когда васъ цѣлуешь?.. Крѣпко цѣлуетъ ее. Иди и ты сюда, Мелеандръ... Также цѣлуетъ его. Быть можетъ, этотъ поцѣлуй и есть то, чего мы ожидали, и пусть онъ будетъ печатью, которая скрѣпитъ молчаніе на нашихъ устахъ на эту ночь.

Они уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

БЕСѢДКА ИЗЪ ЗЕЛЕНИ ВЪ ПАРКѢ.

Входятъ Аглавена и Мелеандръ.

Мелеандръ. Еще не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ вмѣстѣ подъ этой кровлей, а я уже себѣ и представить не могу, что мы родились не въ одной колыбели. Кажется, что мы никогда не жили врозь и что я зналъ тебя раньше, чѣмъ сталъ помнить самого себя. Мнѣ кажется, что ты предшествовала всему, что есть во мнѣ... Твою душу я чувствую лучше, чѣмъ свою собственную, ты ближе мнѣ, чѣмъ я самъ себѣ, и еслибъ мнѣ сказали „вамъ надо спасти свою жизнь“ мнѣ пришлось бы спасти твою, чтобы жить... Я бы не видѣлъ больше самого себя, еслибы ты не была здѣсь. Я больше не нахожу себя, не улыбаюсь себѣ, не люблю себя иначе, какъ въ тебѣ одной. Мнѣ часто кажется, что душа моя, все мое существо и все, чѣмъ они владѣютъ, перемѣнили жилище и что я со слезами цѣлую часть самого себя, не принадлежащую этому міру, когда цѣлую тебя такъ, какъ сейчасъ.

Аглавена. Я говорю то же самое, Мелеандръ. Когда я цѣлую тебя, мнѣ тоже кажется, что я цѣлую себя самое, сдѣлавшуюся болѣе прекрасной. Я живу только, когда ты здѣсь. Я слышу свой голосъ только вмѣстѣ съ твоимъ. Я ищу себя внѣ себя и въ тебѣ нахожу себя, я ищу тебя внѣ тебя и нахожу тебя въ себѣ... Я не различаю больше ни нашихъ рукъ, ни душъ, ни губъ... И я больше не знаю, ты ли свѣтишь мнѣ или я становлюсь твоимъ свѣтомъ... Все до такой степени перепуталось въ нашихъ существахъ, что больше невозможно рѣшить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой... Малѣйшее твое движеніе открываетъ мнѣ меня самое, твоя улыбка, твое молчаніе, каждое твое слово приковываетъ меня новой красотой... Я чувствую, какъ ты расцвѣтаешь во мнѣ, а я расцвѣтаю въ тебѣ, и мы бесконечно возраждаемся одинъ въ другомъ...

Мелеандръ. Только одна вещь еще разлучаетъ насъ— это наше удивленіе...

Аглавена. Да, правда,—я день и ночь удивляюсь тому что есть въ дѣйствительности существо, подобное тебѣ...

Мелеандръ. И я также, Аглавена... Мнѣ больше недостаточно моихъ глазъ, моихъ рукъ, моихъ ушей... Мнѣ кажется, что я брежу, когда слышу тебя, что я бредилъ, когда уже не вижу тебя и что я обманывался, когда больше не слышу тебя... Я возвращаюсь къ тебѣ и опять-таки мнѣ кажется, что я ошибаюсь... я вижу тебя, слышу, обнимаю и въ то же время мнѣ хочется бѣжать отъ тебя, чтобы вернуть себѣ свою прежнюю увѣренность...

Аглавена. И я также, Мелеандръ... Когда я съ тобой, мнѣ хочется уйти, чтобы совсѣмъ одной почувствовать тебя

еще ближе себѣ. Но когда я одна, я снова ищу тебя, потому что знаю, что душа твоя ждетъ меня, еще болѣе прекрасная, чѣмъ я себѣ могу вообразить... Я больше не знаю, какъ быть среди такого блаженства, какъ наше... Иной разъ можно сказать, что я несчастна, до того я счастлива...

Мелеандръ. Гдѣ же была ты въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ, которыя мы прожили даже не подозрѣвая, что мы оба существуемъ?..

Аглавена. Я уже думала объ этомъ, Мелеандръ— наши души успѣваютъ все сказать гораздо раньше, чѣмъ языкъ...

Мелеандръ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда ты говоришь, я словно впервые слышу голосъ своей души.

Аглавена. И я также, Мелеандръ. Я слушаю свою собственную душу въ то время, какъ ты говоришь со мной, а когда я замолкаю, я слышу твою душу... Я больше не могу найти своей души, чтобы не встрѣтиться съ мной. Я не могу больше искать твоей души безъ того, чтобы не найти свою.

Мелеандръ. Въ насъ обоихъ одинъ и тотъ же міръ, Аглавена! Господь ошибся, должно быть, когда создалъ изъ нашей единой души двѣ...

Аглавена. А гдѣ же былъ ты, Мелеандръ, всѣ эти годы, когда я одинокая ждала тебя?

Мелеандръ. Я былъ тоже одинокъ и ужъ не надѣялся больше.

Аглавена. Я тоже ждала одинокая и все-таки надѣялась.

Мелеандръ. Но кто же сказалъ тебѣ, что кто-то ждетъ тебя?

Аглавена. Никто ничего не говорилъ, и я ничего не знала, не считая того, что быть можетъ знаешь, не подозрѣвая многого, и я знала тебя, никогда не видавъ...

Мелеандръ. Но могла ли ты любить меня такъ, какъ я любилъ тебя, раньше, чѣмъ ты увидѣла меня?..

Аглавена. А ты, мой Мелеандръ, видѣлъ ли ты меня, какъ я тебя видѣла раньше, чѣмъ нашла тебя?

Мелеандръ. Не думаю, что то, что теперь происходитъ съ нами, происходило когда-либо съ другими и что есть другія жизни, похожія на нашу...

Аглавена. Нѣтъ, иногда мнѣ кажется, что это невозможно...

Мелеандръ. И мнѣ тоже, Аглавена, и я боюсь...

Аглавена. Чего ты боишься?.. Мы нашли другъ друга, чего еще бояться?..

Мелеандръ. Напротивъ, когда счастливъ, тогда-то и надо бояться... Нѣтъ ничего болѣе угрожающаго, чѣмъ счастье. И каждый поцѣлуй, которымъ мы обмѣниваемся, можетъ разбудить врага... Затѣмъ есть и еще причина...

Аглавена. Какая?

Мелеандръ. Селизета...

Аглавена. Ну?

Мелеандръ. Ты подумала о Селизетѣ?

Аглавена. Да...

Мелеандръ. И это тебя не смущаетъ?..

Аглавена. Нѣтъ, Мелеандръ, это меня больше не будетъ смущать...

Мелеандръ. Она будетъ страдать, быть можетъ...

Аглавена. Развѣ я не могу любить тебя, какъ брата, Мелеандръ?..

Меллеандръ. А все-таки, если она будетъ плакать?..

Аглавена. Она не долго будетъ плакать, если будетъ подниматься съ нами... Почему бы ей не стремиться съ нами вмѣстѣ навстрѣчу той любви, которая не отдаетъ себѣ отчета? Она прекраснѣе, чѣмъ ты думаешь, Меллеандръ. Мы протянемъ ей руку, она сумѣетъ догнать насъ, и, разъ соединившись съ нами, перестанетъ плакать... она благословитъ насъ за пролитыя слезы, потому что есть слезы, которыя благотвориѣе поцѣлуевъ...

Меллеандръ. Вѣришь ты тому, что я смогу любить тебя, какъ сестру, Аглавена?..

Аглавена. Ахъ!..

Меллеандръ. Вѣришь ли ты, что сможешь любить меня, какъ брата, Аглавена?..

Аглавена. Когда ты меня спрашиваешь объ этомъ, Меллеандръ, я перестаю вѣрить этому..

Меллеандръ. Я тоже больше не вѣрю этому. Мы будемъ бороться день и ночь, мы будемъ бороться очень долго, и наши лучшія силы, изъ которыхъ создалась бы высшая любовь, красота или глубокія истины, уйдутъ на бесплодную борьбу! И чѣмъ больше мы будемъ бороться, тѣмъ сильнѣе будутъ вставать между нами желаніе и, какъ туманъ, будетъ сгущаться все больше и больше. И наши лучшія стремленія умрутъ въ насъ благодаря этому желанію. Повидимому, вся суть заключается въ такой бездѣлицѣ, а между тѣмъ, эта бездѣлица, быть можетъ, имѣетъ силу навсегда отратить обѣ души отъ ихъ совершеннаго счастья... Развѣ же все, и звѣзды, и цвѣты, и утро, и вечеръ, и мысли, и слезы не измѣняются смотря по тому, какимъ поцѣлуемъ обмѣниваются? Развѣ же сама ночь одинаково глубока въ

глазахъ сестры или въ глазахъ любовницы? Не будемъ же закрывать глаза на самую прекрасную истину. Весь свѣтъ нашихъ двухъ жизней померкнетъ отъ этой маленькой лжи... Ты мнѣ не сестра, Аглавена, и я не могу любить тебя, какъ сестру...

Аглавена. Это правда, ты мнѣ не братъ, Мелеандръ! И вотъ тутъ безъ сомнѣнія мы и должны страдать...

Мелеандръ. Такъ ты значить тоже любишь ненужныя страданія?

Аглавена. Я люблю только тѣ страданія, которыя могу снять съ другихъ...

Мелеандръ. Какія же страданія можемъ мы снять теперь съ другихъ, не убивъ всего лучшаго, что есть въ насъ?..

Аглавена. Мы еще этого не знаемъ хорошенько, но мы должны такъ дѣйствовать, какъ если бы мы знали все и если необходима ошибка, то пусть она лучше падетъ на насъ...

Мелеандръ. Я знаю, но что же дѣлать?

Аглавена. Судьба свела насъ, и мы такъ понимаемъ другъ друга, какъ вѣроятно никогда не понимали другъ друга два существа. Мы любимъ, и ничто на свѣтѣ не можетъ заставить меня разлюбить тебя, а тебя перестать любить меня...

Мелеандръ. Я думаю такъ же, какъ и ты. Я не вижу ничего въ мирѣ, чтобы...

Аглавена. И все-таки, если бы я заставила плакать невинное существо, ты бы не отвернулся отъ меня?

Мелеандръ. Она можетъ плакать потому только, что ошибается...

Аглавена. Слезы по ошибкѣ также горьки...

Мелеандръ. Намъ остается только бѣжать другъ отъ друга, Аглавена, но это невозможно.—Такое высокое чувство родилось не для смерти, и у насъ есть обязанности по отношенію къ себѣ...

Аглавена. Я тоже такъ думаю, Мелеандръ, и думаю, что есть нѣчто лучше бѣгства. — Я не могу представить себѣ, чтобы это чувство родилось для того, чтобы погибнуть въ слезахъ...

Мелеандръ. Неизвѣстно, зачѣмъ они зарождаются, но зато хорошо извѣстно, что слезы никогда не заставляютъ себя ждать...

Аглавена. Пока необходимо, чтобы кто-нибудь страдалъ, и страдать должны мы... Есть тысяча обязанностей, но я думаю рѣдко кто ошибется, если постарается сложить на себя тяжесть съ болѣе слабаго...

Мелеандръ, обнимая ее. Ты прекрасна, Аглавена!..

Аглавена, также обнимая его. Я люблю тебя, Мелеандръ!..

Мелеандръ. Ты ли это плачешь, Аглавена?

Аглавена. Нѣтъ, это мы плачемъ, Мелеандръ...

Мелеандръ. Развѣ это мы дрожимъ?..

Аглавена. Да!

Они цѣлуются. Въ кустахъ раздается крикъ отчаянія, потомъ видно, какъ Селизета развѣвающимися волосами бѣжитъ къ замку.

Мелеандръ. Селизета!..

Аглавена. Да...

Мелеандръ. Она слышала насъ—она бѣжитъ къ замку...

АГЛАВЕНА, показывая на удаляющуюся Селизету. Иди...
Иди...

МАЛЕАНДРЪ. Да...

Онъ пускается въ догонку за Селизетой. Аглавена прислоняется къ дереву и тихо плачетъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Въ глубинѣ парка каменная скамейка, на краю громаднаго бассейна. Аглавена спитъ на скамейкѣ, закутанная вуалемъ. Входитъ Селизета.

СЕЛИЗЕТА. „Селизета, маленькая Селизета, не надо, чтобы она плакала“. Онъ жальфетъ меня, потому что не любить больше... Я тоже больше не люблю его... Они воображаютъ, что я буду совершенно спокойна и что достаточно поцѣловать меня, глядя въ сторону... „Селизета, маленькая Селизета“... Это говорится очень нѣжно... гораздо нѣжнѣе, чѣмъ обыкновенно... Онъ теперь смотреть на что-нибудь другое, когда цѣлуетъ меня, или же глядитъ съ такимъ видомъ, словно собирается прощенья просить... И въ то время, какъ, они цѣлуются, я должна прятаться, точно я украла что-нибудь... Они опять ушли сегодня вечеромъ, и я ихъ потеряла изъ виду... „Маленькая Селизета“ не посвящается въ тайны... съ ней не говорятъ иначе, какъ съ улыбкой... ее цѣлуютъ въ лобъ... ей предлагаютъ цвѣты и фрукты... „Маленькой Селизетѣ“ покровительствуетъ чужая... ее цѣлуютъ со слезами и говорятъ себѣ: о, бѣдная дѣтка... ничего не подѣлаешь... она не уйдетъ... но она все равно ничего не замѣтитъ... и берутся за руки, едва я отворачиваю голову... да, да, да... все это до поры до времени...

Терпѣніе, терпѣніе... наступить праздникъ и для „маленькой Селизеты“... Она еще хорошенько не знаетъ, какъ надо поступить, но терпѣніе, терпѣніе, а тамъ видно будетъ... Замѣтивъ Аглавену на скамейкѣ. Они тамъ!.. Они заснули въ объятяхъ другъ друга!.. О, это... О, это... Я... Иссалина, бабушка... нужно, чтобы это видѣли... нужно, чтобы видѣли это... Никто не идетъ... Я всегда одна... я... Приближаясь. А! она тоже одна... что это свѣтъ отъ луны падаетъ на нее или это вуаль?.. Она спитъ... Что мнѣ дѣлать?.. Она не знаетъ, что лежитъ на краю резервуара и при малѣйшемъ движеніи можетъ слетѣть прямо въ водоемъ... шелъ дождь... она покрыла себѣ голову, а грудь открыта... она вся вымокла... ей холодно... она не знаетъ мѣстности... упала она сюда или же заболѣла? Она дрожитъ во снѣ... Я отдамъ ей свой плащъ. Она укрываетъ Аглавену и приподнимаетъ вуаль, которымъ было закрыто ея лицо. Она спитъ такъ крѣпко... мнѣ кажется, что она плакала... она не имѣетъ вида счастливой... она не выглядитъ счастливѣ моего... Она блѣдна... я вижу, что она тоже плачетъ... она прекрасна... она такъ хороша, когда блѣдна, какъ сейчасъ... она точно сливается съ луннымъ свѣтомъ... не надо сразу будить ее... она можетъ испугаться и упасть въ воду...

Осторожно наклоняясь. Аглавена... Аглавена...

Аглавена, просыпаясь. А!.. Уже свѣтло...

Селизета. Осторожнѣе, вы на краю бассейна... не поворачивайтесь, у васъ можетъ закружиться голова...

Аглавена. Гдѣ я?

Селизета. На краю резервуара съ прѣсной водой для замка... Развѣ вы этого не знали? Вы пришли сюда одна? Надо быть осторожнѣе—это опасное мѣсто...

Аглавена. Я этого не знала... было такъ темно... Я увидѣла заборъ изъ бунса, потомъ скамейку... Мнѣ было грустно и я такъ устала...

Селизета. Холодно вамъ? Застегните же плащъ...

Аглавена. Чго это за плащъ?—Это твой, Селизета! Это ты закутала меня, пока я спала—новѣдъ тебѣ тоже холодно... Иди сюда, я укурю тебя... ты дрожишь больше моего.. Оборачиваясь. О, я вижу... теперь, когда взошла луна, какъ блеститъ вода между стѣнками... Одно малѣйшее движеніе и я... И это ты!.. Она долго смотреть на Селизету и дѣлуетъ ее. Селизета!..

Селизета. Не надо оставаться здѣсь—это мѣсто лихорадочное.

Аглавена. Никогда не надо упускать подобныхъ минутъ — онѣ не возвращаются больше! — Я видѣла твою душу, Селизета, потому что сейчасъ, противъ воли, ты любила меня...

Селизета. Мы простудимся, Аглавена...

Аглавена. Прошу тебя, не старайся убѣжать отъ меня въ ту минуту, когда все, что есть самаго серьезнаго въ твоёмъ существѣ, стремится ко мнѣ... Неужели ты думаешь, я не чувствую, какія дѣлаются усилія? Неужели ты думаешь, мы будемъ когда-либо ближе одна другой?.. Не будемъ же говорить дѣтскихъ словечекъ, тѣхъ словечекъ, которыя словно шипы вонзаются въ наши бѣдныя сердца... Давай говорить, какъ настоящіе люди, какъ бѣдныя люди, которые говорятъ, какъ умѣютъ: руками, глазами, душой, когда они хотятъ сказать что-нибудь болѣе истинное, чѣмъ то, что они могутъ выразить словами... Неужели ты думаешь, я не чувствую, какъ полна твоя душа?.. Прижмись

ко мнѣ въ темнотѣ ночи, дай мнѣ обнять тебя и не безпокойся, если не сможешь мнѣ отвѣтить. То нѣчто, что говорить въ тебѣ, я понимаю такъ же, какъ еслибы ты говорила сама...

Селизета. Аглавена...

Аглавена. Аглавена вѣдь тоже плачетъ... Плачетъ потому, что любить тебя и потому, что не знаетъ навѣрное, ни что надо дѣлать, ни что говорить... Мы вотъ однѣ, моя бѣдная Селизета, однѣ, прижавшись другъ къ другу въ темнотѣ, а внутри насъ въ эту минуту предрѣшается наше счастье или горе... но никто не можетъ этого знать... И у меня нѣтъ ничего кромѣ слезъ, чтобы вопрошать будущее.— Я воображала себя болѣе опытной, но когда наступило время дѣйствовать, я чувствую, что ты нужнѣе мнѣ, чѣмъ я тебѣ... Потому-то я и плачу и обнимаю тебя такъ, чтобы вмѣстѣ постигнуть то, что предрѣшается въ насъ. Я тебѣ причинила много горя сегодня утромъ...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ не причинила горя.

Аглавена. Я тебѣ причинила много горя сегодня утромъ... и мнѣ бы хотѣлось никогда больше не причинять его тебѣ... Но что надо сдѣлать для того, чтобы не дѣлать больно тѣмъ, кого любишь больше всего? Право же, можно сказать, что, полюбивъ человѣка, въ то же время обрекаешь его вмѣстѣ съ собой на страданія, которыя раньше не замѣчали его. И вотъ потому-то въ ту минуту, когда я любила тебя сильнѣе всего, я и дала тотъ поцѣлуй, предназначенный тебѣ, который заставилъ тебя въ первый разъ плакать...

Селизета. Я плакала, Аглавена, но я была неблаго-разумна... Я-больше не буду плакать...

Аглавена. Бѣдная моя Селизета, никогда нельзя знать навѣрное, благо разумно ли ты поступаешь... Никогда не надо задаваться вопросомъ: благо разумны ли тѣ, что плачутъ, а по просту сдѣлать все, что возможно, чтобы они перестали плакать...

Селизета, рыдая. Аглавена...

Аглавена. Что съ тобой, ты вся дрожишь?!

Селизета. Я никогда не видала тебя спящей...

Аглавена. Ты очень часто будешь меня видѣть спящей, Селизета...

Селизета. И потомъ мнѣ никогда ничего не говорили... никто, никто...

Аглавена. Да, да, моя бѣдная Селизета, тебѣ, вѣроятно, говорили все то, что обыкновенно говорится всѣмъ—потому, что всѣ говорятъ, когда захотятъ, и всякій человѣкъ имѣетъ возможность услышать необходимыя слова, но ты еще не научилась слушать...

Селизета. Это было не то, совсѣмъ не то...

Аглавена. Это потому, что ты не слушала, Селизета, и видишь ли, это слушается совсѣмъ не ушами, и то, что ты слышишь сейчасъ, ты слышишь на самомъ дѣлѣ вовсе не ушами. Вѣдь, собственно говоря, ты не слышишь того, что я говорю тебѣ, а просто сознаешь, что я люблю тебя...

Селизета. Я тоже люблю тебя...

Аглавена. Потому-то ты такъ хорошо слышишь и понимаешь то, что я не умѣю высказать. И въ эту минуту соединены не однѣ наши руки, моя бѣдная Селизета... Но Мелеандръ также любитъ тебя, почему же ты не слушала его?!

Селизета. Онъ не такой, какъ ты, Аглавена...

Аглавена. Онь лучше меня, и навѣрное онь говорилъ съ тобой не разъ и гораздо лучше, чѣмъ могу это сдѣлать я...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ,—это совсѣмъ не то... Слушай, я не сумѣю тебѣ сказать навѣрное, что это такое.—Но когда онь со мной, я ухожу въ себя... Я не хочу плакать... я не хочу, чтобы онь зналъ, что я понимаю... я слишкомъ люблю его...

Аглавена. Говори еще, Селизета... а я буду цѣловать тебя, пока ты говоришь...

Селизета. Это очень трудно... и ты не поймешь, а я не умѣю выразить...

Аглавена. Если я не пойму того, что ты скажешь, то пойму то, что скажутъ твои слезы...

Селизета. Ну, такъ вотъ... я не хочу, чтобы онь любилъ меня за что-нибудь... Я хочу, чтобы онь любилъ меня самое... Нѣтъ, это невозможно объяснить... Я не хочу, чтобы онь любилъ меня за то, что я понимаю его, отвѣчаю ему... можно подумать, что я ревную его къ самой себѣ... Ты понимаешь меня хоть немного, Аглавена?

Аглавена. Безъ труда можно видѣть, прозрачна ли вода въ хрустальной вазѣ, Селизета... Ты боялась показать ему, что ты прекрасна? Неизвѣстно откуда является этотъ страхъ, когда любишь... Слишкомъ сильно желаніе, чтобы другіе сами отгадали это... Но надо стараться побѣдить этотъ страхъ... Потому что, видишь ли, благодаря тому, что ты постоянно прячешься отъ другихъ, кончится тѣмъ, что ты сама больше не будешь находить себя...

Селизета. Я неблагоприятна, я знаю... Я хочу, чтобы онь любилъ меня даже тогда, если бы я ничего не знала, ничего не дѣлала, ничего не видѣла—была бы ничто... Мнѣ

кажется, я бы хотѣла, чтобы онъ любилъ меня, если бы даже я не существовала... И вотъ я запрятывалась, запрятывалась въ себѣ... я хотѣла бы спрятать все, все... Онъ въ этомъ не виноватъ... потому что я была счастлива, когда онъ цѣловалъ меня, пожимая плечами и качая головой... Я чувствовала себя гораздо счастливѣе, чѣмъ когда онъ цѣловалъ меня, любуясь мною... Но я думаю, что не такъ вѣдь надо любить...

Аглавена. Неизвѣстно, какъ надо любить... одни любить такъ, другіе эдакъ, и любовь дѣлаетъ и то и другое и все всегда хорошо, потому что это любовь. Заглядывая въ себя, смотришь на нее, какъ на ястреба или страннаго орла въ клѣткѣ... Клѣтка принадлежитъ вамъ, но птица не принадлежитъ никому. На нее смотришь съ безпокойствомъ, грѣшишь, кормишь ее, но не знаешь, что она будетъ дѣлать, полетитъ ли, начнетъ ли биться о желѣзные прутья, или запоетъ. Нѣтъ въ мірѣ ничего такого, что было бы отъ насъ дальше, чѣмъ наша любовь, моя бѣдная Селизета! Необходимо ждать,—только тогда и можно научиться понимать ее...

Селизета. Любишь ты его, Аглавена?

Аглавена. Кого, Селизета?

Селизета. Мелеандра.

Аглавена. Какъ я могу не любить его?

Селизета. Но любишь ли ты его, какъ я?

Аглавена. Я стараюсь любить его такъ же, какъ люблю тебя, Селизета...

Селизета. Но если ты его слишкомъ любишь?

Аглавена. Дитя мое, не думаю, чтобы можно было слишкомъ любить...

Селизета. А если онъ любить тебя больше меня?

Аглавена. Онъ будетъ любить въ тебѣ то, что любить во мнѣ, потому что это одно и то же... Нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, который бы такъ походилъ на меня, какъ Мелеандръ. Какъ же можетъ онъ не любить тебя, если я люблю тебя, и какъ могла бы я любить его, еслибъ онъ не любилъ тебя? Онъ не походилъ бы больше ни на себя, ни на меня...

Селизета. Во мнѣ нѣтъ ничего, за что бы онъ могъ любить меня... А ты, Аглавена, знаешь столько, сколько я никогда не буду знать...

Аглавена. Поцѣлуй меня, Селизета, и повѣрь мнѣ, если я скажу тебѣ, что все, что я знаю, не стоитъ, быть можетъ, того, чего ты не знаешь... Я сумѣю показать ему, что ты гораздо глубже и прекраснѣе, чѣмъ онъ думаетъ...

Селизета. Ты можешь устроить такъ, чтобы онъ продолжалъ любить меня, когда ты здѣсь?

Аглавена. Если бы онъ пересталъ любить тебя, потому что я здѣсь, я бы сейчасъ же ушла отсюда, Селизета.

Селизета. Я не хочу, чтобы ты уѣзжала отсюда...

Аглавена. Это было бы необходимо, потому что я разлюбила бы...

Селизета. Вотъ когда я была бы несчастна, Аглавена...

Аглавена. Можетъ быть, Селизета...

Селизета. О, Аглавена, я начинаю любить, любить тебя...

Аглавена. Я ужъ давно люблю тебя, Селизета...

Селизета. А я нѣтъ, когда я увидѣла тебя, я не любила тебя, а потомъ все-таки начала любить... одну минуту я задумала нехорошее, нехорошее... но я не знала, что ты такая... Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я была бы иной...

Аглавена. Нѣтъ, нѣтъ, моя бѣдная Селизета,—въ глубинѣ души ты не была злой, но ты не знала, какъ можно быть доброй, будучи несчастной... Ты думала, что ты обязана быть злой, потому что у тебя не хватало духа быть доброй... Обыкновенно призываютъ всѣ бѣдствія на головы тѣхъ, кто оскорбляетъ насъ, а потомъ готовы отдать все свое счастье, чтобы избавить ихъ отъ горя, только бы они не плакали... Но почему же не полюбить ихъ раньше, чѣмъ они сдѣлались несчастными? Нельзя ошибаться, полюбивъ ихъ заранее, такъ какъ нѣтъ ни одного существа на землѣ, которое было бы счастливо до конца...

Селизета. Мнѣ бы хотѣлось поцѣловать тебя еще разъ, Аглавена... Какъ странно, вначалѣ я не могла тебя цѣловать... я боялась твоихъ губъ... не знаю, почему... а теперь... Что онъ часто цѣлуетъ тебя?

Аглавена. Онъ?

Селизета. Да...

Аглавена. Да, Селизета, и я тоже цѣлую его...

Селизета. Зачѣмъ?

Аглавена. Потому что есть вещи, которыя можно сказать только въ поцѣлуѣ... Потому что самыя глубокія, самыя чистыя мысли не выходятъ изъ души, пока поцѣлуй не вызоветъ ихъ...

Селизета. Ты можешь цѣловать его при мнѣ, Аглавена...

Аглавена. Если хочешь, я больше не буду его цѣловать, Селизета...

Селизета, вдругъ разрыдавшись. Ты можешь цѣловать его и не при мнѣ...

Она прижимается къ плечу Аглавены и продолжаетъ тихо рыдать.

Аглавена. Не плачь, Селизета, ты гораздо лучше насъ обоихъ...

Селизета. Я не знаю, о чемъ плачу... я не несчастна... я счастлива, что разбудила тебя, Аглавена...

Аглавена. Я тоже счастлива, что разбудила тебя, Селизета... Пойдемъ, не надо оставаться слишкомъ долго тамъ, гдѣ наши души были счастливы такъ, какъ не могутъ быть счастливы человѣческія души...

Онѣ уходятъ, обнявшись.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

КОМНАТА ВЪ ЗАМКѢ.

Сумерки. Въ глубинѣ комнаты Мелиграна и Селизета.

Мелиграна. Ты больше не можешь терпѣть, бѣдная моя Селизета, не говори „нѣтъ“ и не качай головкой, утирая слезы...

Селизета. Я же вамъ говорю, бабушка, что плачу отъ счастья...

Мелиграна. Отъ счастья не такъ плачутъ...

Селизета. Нѣтъ, значитъ, такъ плачутъ, потому что я такъ плачу...

Мелиграна. Слушай, Селизета... Я выслушала все, что ты мнѣ говорила по поводу Аглавены... Я не умѣю говорить такъ, какъ она... Я старая женщина, знающая очень немного, но и я тоже страдала, у меня одна ты на всемъ свѣтѣ, я стою на краю могилы, все это даетъ мнѣ возможность

видѣть истину, можетъ быть, и не такую прекрасную, какъ та, о которой говоритъ Аглавена, но вѣдь не всегда прекраснѣйшія истины оказываются болѣе правыми, чѣмъ старыя, простыя истины. Я вижу только одно, Селизета, что, несмотря на то, что ты стараешься улыбаться, ты блѣднѣешь и плачешь, когда остаешься одна... Не надо бороться такъ сверхъ силъ. Мало ли что говорятъ, что слезы неблагоприятны, не красивы... когда же подойдешь къ концу жизни, то увидишь, что онѣ однѣ правы. Я знаю, что есть много чего прекраснѣе слезъ, и часто лучше бы было не плакать... Но когда уже больше не можешь удержаться отъ слезъ, то надо повѣрить истинѣ этихъ слезъ... и скажешь себѣ, что есть что-то вѣрнѣе тѣхъ прекрасныхъ истинъ, что выше ихъ... потому что, видишь ли, Селизета, частенько сама судьба говоритъ нашими слезами,—изъ самой глубины будущаго выступаютъ онѣ на нашихъ глазахъ. Изъ глубины комнаты входитъ Аглавена, незамѣчаемая ими. Ты много плакала, моя бѣдная Селизета, и ты отлично знаешь, что не можешь заставить себя перестать... Къ чему все это приведетъ, по-твоему? Я терпѣливо обдумала все въ своемъ уголкѣ, стараюсь говорить спокойно, несмотря на то, что болѣю за тебя, видя, какъ ты несправедливо страдаешь... Двухъ выходовъ изъ этого положенія нѣтъ. Необходимо, чтобы одна изъ васъ умерла, или же та должна уѣхать... Кто же долженъ удалиться, какъ не та, которая явилась слишкомъ поздно?..

СЕЛИЗЕТА. Почему же не та, что явилась слишкомъ рано?..

АГЛАВЕНА, подходя. Никогда не бываетъ слишкомъ рано, моя бѣдная Селизета, а являются всегда въ часть, для того назначенный, и я думаю, что бабушка права...

Селизета. Если бабушка права, то мы обѣ будемъ несчастны.

Аглавена. И если бабушка и неправа, то мы опять-таки будемъ плакать. Что же подѣлаешь, Селизета, въ жизни большею частью приходится только выбирать себѣ слезы, и еслибъ я послушалась своего бѣднаго разума, то сказала бы, что нужно выбирать слезы самыя прекрасныя. Въ данномъ же случаѣ самыя прекрасныя слезы тѣ, что проливала ты... но вотъ уже нѣсколько дней, какъ я тоже мучаюсь и уже говорила себѣ не разъ, что за всѣми истинами, которыя мы можемъ постичь, кроется въ самой глубинѣ насъ еще одна болѣе важная, которая ждетъ своего часа... и всѣ наши слова не смогутъ измѣнить улыбки или осушить глазъ... и мнѣ кажется, что сегодня я открыла эту истину, которая заставитъ насъ дѣйствовать, какъ она того захочетъ, не смотря на всѣ наши усилія... До свиданья, Селизета, поцѣлуй меня. Уже поздно, Мелеандръ ждетъ тебя...

Селизета. Развѣ ты не пойдешь поцѣловать его вмѣстѣ со мной?

Аглавена. Я больше не стану цѣловать его, я буду цѣловать одну тебя, когда мы будемъ вмѣстѣ... И я смогу сказать ему все, что надо, какъ еслибъ я цѣловала его самого...

Селизета. Что случилось? У тебя такъ блестятъ глаза, ты что-то скрываешь отъ меня...

Аглавена. Напротивъ, глаза мои блестятъ оттого, что я больше не скрываю ничего... Я сейчасъ узнала, что онъ любить тебя гораздо глубже, чѣмъ предполагаетъ самъ...

Селизета. Онъ тебѣ сказалъ объ этомъ?

Аглавена. Нѣтъ, еслибъ онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, я бы не была такъ увѣрена...

Селизета. А тебя развѣ онъ больше не любить?

Аглавна. Онъ любить меня меньше, чѣмъ тебя...

Селизета. О, бѣдная моя Аглавена! Но это невозможно! Почему любить онъ тебя меньше? Что мнѣ дѣлать? Не надо, что бы ты оставалась одна сегодна вечеромъ, если ты не счастлива... Хочешь, я останусь съ тобой... Я скажу ему...

Аглавена. Иди, иди скорѣе, Селизета... Я никогда не буду счастливѣе, чѣмъ сегодня.

Онѣ цѣлуются молча и уходятъ въ
разныя двери.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ВЪ ПАРКѢ.

Входятъ Мелеандръ и Селизета.

Селизета. Прости меня, Мелеандръ, тебѣ, вѣроятно, хочется побыть одному, а я для тебя всегда являюсь причиной грусти... но я сейчасъ уйду... Я отъ Аглавены... она уже спитъ, и я поцѣловала ее въ губы... она не проснулась, несмотря на то, что звѣзды освѣщаютъ всю ея постель... Я недолго задержу тебя... пойдемъ, разбудимъ ее, а то она плачетъ во снѣ... одна я побоялась сдѣлать это... но раньше

мнѣ надо поговорить съ тобой объ одной вещи... Я не знаю, права я или нѣтъ и хорошо это или дурно... Я не могу спросить объ этомъ у Аглавены, а ты мнѣ простишь, если я ошибаюсь...

Меландръ. Что такое, Селизета?—Иди сюда на скамейку, садись ко мнѣ на колѣни... я буду ласкать твои волосы въ то время, когда ты будешь говорить, тебѣ не будетъ меня видно и ты перестанешь стѣсняться... Мнѣ кажется, что у тебя очень тяжело на сердцѣ...

Селизета. Нѣтъ, не на сердцѣ... я не умѣю сказать, гдѣ... быть можетъ на душѣ... что-то давить меня... и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ понять... но что? Я еще ничего не знаю хорошенько... но чувствую себя гораздо счастливѣе, чѣмъ раньше, когда ничто не угнетало меня...

Меландръ. Ты очень измѣнилась, Селизета... и я тоже хотѣлъ поговорить съ тобой... Я не узнаю твоего прежняго личика, и бѣдныя щечки не розовѣютъ даже подъ моими поцѣлуями... а прежде ты такъ смѣялась всегда, когда я цѣловалъ тебя...

Селизета. Да, раньше я чаще смѣялась, но теперь я гораздо счастливѣе...

Меландръ. Не знаю, Селизета... Случается, что душа считаетъ себя счастливой тогда, какъ сердце не въ состояніи терпѣть дольше... Но оставимъ это, скажи мнѣ лучше, что такъ беспокоитъ тебя сегодня...

Селизета. Аглавена уѣзжаетъ...

Меландръ. Аглавена? Она тебѣ это сказала?

Селизета. Да...

Меландръ. Когда же это?.. И почему она уѣзжаетъ?

Селизета. Она мнѣ не говорила объ этомъ... но я уфрена, что она уфдетъ... она рѣшила сегодня, что такъ надо поступить... вотъ потому-то я и спрашиваю себя, не лучше ли будетъ уфхать мнѣ?

Мелеандръ. Тебѣ, Селизета?—Но что же случилось?..

Селизета. Ничего не случилось... И пожалуйста, если ты не хочешь, чтобы Аглавена плакала напрасно, то ничего не говори ей... Но видишь ли, Мелеандръ, я тоже много думала, сидя подлѣ бабушки, въ то время, какъ вы были вмѣстѣ... И когда вы возвращались такіе счастливые, такіе дружные, что все невольно стихало при вашемъ приближеніи... Я часто говорила, что я не болѣе, какъ бѣдное маленькое существо, которое никогда не будетъ въ состояніи слѣдовать за вами... позднѣ же я увидала, что вы были очень добры ко мнѣ.. и часто, когда я бывала грустна, вы хотѣли взять меня съ собой, и когда я шла съ вами, вы становились веселѣе, но ваши души уже не были такъ счастливы, и я между вами была чужой, которой холодно... И ни вы, ни я не были виноваты въ этомъ... Я отлично знаю, что ничего не могу понять, но что понять мнѣ необходимо...

Мелеандръ. Дорогая моя, милая Селизета, Аглавена права, я и не подозрѣвалъ, что ты такъ прекрасна... ты воображаешь, что ничего не понимаешь? Неужели же ты думаешь, что мы съ Аглавеной понимаемъ больше твоего? Увы, моя маленькая Селизета, разница въ сущности такая маленькая, что рѣшительно не знаешь, за что именно любишь. Но, если ты смогла сказать то, что говорила сейчасъ, то тебѣ нечего понимать, и это одинъ я ничего не понималъ...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, бѣдный мой Мелеандръ, ты только по добротѣ говоришь такъ... Я отлично знаю, какой надо быть и все-таки никогда не смогу быть такой, какъ вы...

Мелеандръ. Я больше не узнаю тебя, Селизета... я ничего не замѣчалъ... кто научилъ тебя говорить такія слова?

Селизета. Аглавена, Мелеандръ...

Мелеандръ. Дитя мое, мы всѣ исходимъ отъ Аглавены и, разъ узнавъ ее, не имѣемъ другого источника, кромѣ красоты... Но развѣ же такая большая разница между твоею душою, Селизета, и душою Аглавены?..

Селизета. О, да очень даже большая...

Мелеандръ. Не думаю, Селизета, и чѣмъ больше узнаю то, что таилось за смѣхомъ ребенка, тѣмъ меньше вѣрю этому... Мы всегда стремимся сильнѣе къ душамъ болѣе открытымъ... но слѣдовало бы знать, что и души, которыя запрятываются глубоко въ себя, также прекрасны ужъ по одному тому, что и не подозрѣваютъ этого...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, Мелеандръ, какъ бы я ни старалась, я никогда не буду тѣмъ же... Когда я дѣлаю что-нибудь такое, что ты любишь, то это я пытаюсь подражать Аглавенѣ...

Мелеандръ. Селизета...

Селизета. О, это не упрекъ, Мелеандръ... неужели же ты это такъ понялъ?.. Я ужъ больше не такая, какъ была, и упрековъ никогда никому дѣлать не буду... Я сама хорошенько не знаю, что могло такъ измѣнить меня, и не повѣрила бы тому, кто сказалъ бы мнѣ нѣсколько времени тому назадъ, что я буду чувствовать себя счастливой, становясь грустной, что наступитъ день, когда я прильну губами къ губамъ

той, которую ты любишь, а теперь я больше не могу удержаться от этого...

Мелеандръ. Не понимаю, чего добивается небо, когда окружает челоѡѡка такими сѡтями...

Селизета. Я очень незамѡтное существо, Мелеандръ, но я тоже хотѡла бы быть прекраснѡе, хотѡла бы, чтобы и меня любили со слезами, какъ это дѡлаешь ты, когда любишь еѡ...

Мелеандръ. О комъ это ты говоришь?

Селизета. О той, о которой ты безъ сомнѡннѡ думаешь въ то время, когда молчишь...

Мелеандръ. Когда я съ тобой, то думаю о ней, когда же я съ ней, то думаю о тебѡ...

Селизета. Я отлично вижу, Мелеандръ, что это совсѡмъ не то, что слезы совсѡмъ не тѡ... и являются онѡ совсѡмъ не оттуда, откуда являются слезы жалости... онѡ никогда не забываются... И когда ты мнѡ говоришь, что любишь меня, чтобы утѡшить немного, ты никогда не сможешь сказать мнѡ того, что говоришь Аглавенѡ...

Мелеандръ. Право не знаю, Селизета, буду ли я говорить съ тобой о томъ же. Никогда нельзя выразить всего, что хотѡлъ бы сказать, и когда хочешь говорить искренно съ тѡмъ, кого любишь, то всегда только отвѡчаешь на вопросы, которые слушаются не ушами... А вопросы, которые задаются разными душами, никогда не бываютъ одинаковы... и вотъ почему, даже не подозреѡая этого, слова наши бываютъ различны... Но запросы твоей дѡтской души, моя бѡдная Селизета, такъ же прекрасны, какъ и Аглавены... Они исходятъ изъ другой области, вотъ и все, поэтому не огорчайся, Селизета, — нехорошо завидовать душѡ. Неужели

же ты не вѣришь, что я говорю съ тобой такъ, какъ говорилъ бы съ Аглавенной? Неужели же ты думаешь, что можно было бы сказать кому бы то ни было другое, чѣмъ я говорю тебѣ?.. Моя чудная Селизета, если бы самъ ангелъ спустился съ неба въ мои объятія вмѣсто тебя, я не могъ бы больше и глубже открыть ему своей души, чѣмъ открываю тебя... А все остальное, что слѣдовало бы сказать, не говорится здѣсь на землѣ... Подождемъ, Селизета, уѣдетъ или не уѣдетъ Аглавена, она одна знаетъ, какъ надо поступить, и не ошибется... но останется она или уѣдетъ, все же это она открыла мнѣ твою красоту и научила меня любить тебя такъ, какъ я не умѣлъ раньше... Во всякомъ случаѣ, Селизета, если необходимо, чтобы кто-нибудь плакалъ, то это не будешь ты... И потому, неужели же, дитя, ты думаешь, мы могли бы быть счастливы, если бы ты ушла?.. Неужели же ты думаешь, что счастье, построенное на страданіи маленькаго существа, такого чистаго и нѣжнаго, какъ ты, могло бы быть продолжительно и достойно насъ?.. Неужели же ты думаешь, я могъ бы цѣловать Аглавену, и она могла бы любить меня, если бы одинъ изъ насъ согласился на такое счастье?.. Наша любовь парить выше этого, Селизета, тамъ, гдѣ мы прекрасны и чисты, и тамъ же мы встрѣчаемся и съ тобой и съ нѣкоторыхъ поръ, благодаря тебѣ, мы любимъ тебя не только въ твоемъ отсутствіи... Дай мнѣ поцѣловать себя... Сегодня я цѣлую твою душу, Селизета... Пойдемъ, уже пробилъ полночь... пойдемъ, посмотримъ, продолжаетъ ли Аглавена плакать во снѣ...

Они уходятъ, обнявшись.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

КОМНАТА ВЪ ЗАМКѢ.

Входитъ Аглавена и Мелеандръ.

Аглавена. Слышалъ ты, какъ захлопнулась дверь?

Мелеандръ. Да.

Аглавена. Это Селизета... Она услышала, что это мы, и хочетъ оставить насъ однихъ...

Мелеандръ. Она мнѣ сказала утромъ, что отправится на свою башню—ей кто-то сказалъ, что тамъ появилась большая и очень странная птица...

Аглавена. Я увѣрена, что она была здѣсь, вся комната имѣетъ такой видъ, будто дожидается ея возвращенія... Посмотри, вонъ на окнѣ принадлежности ея работы... мотки шелка, золотыя и серебряныя нитки, жемчугъ и бисерь...

Мелеандръ. А вотъ и ея обручальное кольцо, на которомъ вырѣзаны наши имена... тамъ букетикъ фіалокъ, а вотъ и носовой платокъ... Береть платокъ и вздрагиваетъ, прикоснувшись къ нему. Ахъ!..

Аглавена. Что такое?

Мелеандръ, протягивая ей платокъ. Возьми!..

Аглавена. Ахъ...

Мелеандръ. Онъ для насъ сохранилъ теплоту ея слезъ...

Аглавена. Ты видишь, Мелеандръ, сама она ничего не говоритъ, но всѣ эти мелочи говорятъ мнѣ за нее, что пора... Взявъ платокъ. Дай мнѣ это, Мелеандръ... Бѣдный, маленькій свидѣтель того, что скрываютъ отъ насъ!.. Нужно быть мертвой, чтобы не понять тебя...

МЕЛЕАНДРЪ хочетъ поцѣловать ее.

Аглавена. Не цѣлуй меня сегодня, а лучше люби ее, Мелеандръ...

МЕЛЕАНДРЪ. Я не знаю, что и думать... Порою мнѣ кажется, что я люблю ее почти такъ, какъ и тебя, иногда даже больше тебя, потому что она дальше отъ меня и болѣе непонятная... Но какъ только я вижу тебя, все ступенывается вокругъ нея, и я ее больше не замѣчаю... А все-таки, если бы я потерялъ ее навсегда, я бы никогда не смогъ цѣловать тебя безъ чувства грусти...

Аглавена. Я отлично знаю, что ты ее любишь, Мелеандръ, потому то и нужно мнѣ уѣхать...

МЕЛЕАНДРЪ. Но я только и могу любить ее въ тебѣ одной, Аглавена, а какъ только ты будешь далеко отсюда, я разлюблю ее...

Аглавена. Я отлично знаю, что ты ее любишь, и знаю это настолько хорошо, что иногда даже не могла удержаться, чтобы не позавидовать твоей любви къ этой бѣдной дѣвочкѣ.— Не нужно, чтобы ты считалъ меня совершенствомъ... Если Селизета ужъ не та, то и я вѣдь измѣнилась, живя среди васъ... Я пріѣхала сюда умнѣе, чѣмъ нужно... Я была увѣрена, что красотѣ нѣтъ дѣла до слезъ, которыя проливаются изъ-за нея... Я думала, что доброта не требуетъ другого руководителя, кромѣ разума... Теперь же я вижу, что

доброта вовсе не должна быть благоразумна и гораздо лучше, если она человѣчна и не разсудочна... Я считала себя самой прекрасной женщиной, теперь же я вижу, что самыя маленькія созданія одинаково прекрасны и даже не знаютъ о томъ, что они прекрасны... Я часто спрашиваю себя, не въ тысячу ли миллионъ разъ прекраснѣе и чище то, что дѣлаетъ Селизета со своей дѣтской душой, чѣмъ то, какъ поступила бы я на ея мѣстѣ. Когда я думаю о ней, Мелеандръ, она мнѣ кажется невыразимо прекрасной... Ей стоитъ только нагнуться, чтобы поднять сокровища своего сердца, а она дрожа протягиваетъ ихъ намъ, точно маленькая слѣпая, которая и не подозреваетъ, что обѣ ея руки полны драгоценностей и жемчуга...

Мелеандръ. Какъ странно, Аглавена... Когда ты такъ говоришь о ней, я люблюсь только тобой одной и люблю тебя еще больше... Ничто въ мірѣ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы все хорошее, что ты сейчасъ сказала, падало бы не на тебя... Если бы въ это дѣло вмѣшался самъ Господь Богъ, то и тогда я не смогъ бы полюбить ее, какъ тебя...

Аглавена. Это несправедливость любви, Мелеандръ, и если бы ты сталъ хвалить мнѣ своего брата, то отъ этого ты самъ сдѣлался бы только прекраснѣе... Мнѣ хотѣлось бы цѣловать тебя, Мелеандръ, и плакать. Значитъ, невозможно разлюбить, разъ полюбивъ...

Мелеандръ. Да, я думаю, что это невозможно... Я понялъ это тоже сейчасъ, когда говорилъ съ Селизетой... Я почувствовалъ, что любовь не можетъ зависѣть ни отъ ихъ словъ, ни отъ того, что говорила она, ни отъ того, о чемъ я думалъ, ни отъ того, о чемъ она думала...

Аглавена. Когда я приѣхала сюда, Мелеандръ, мнѣ все казалось возможнымъ, я думала, что никто не будетъ страдать... Но сегодня я вижу, что жизнь вовсе не желаетъ подчиняться нашимъ лучшимъ намѣреніямъ. Къ тому же я чувствую, что если я еще останусь подлѣ тебя въ то время, какъ другіе страдаютъ отъ этого, я больше не буду тобой, ты не будешь мной, и наша любовь ужъ не будетъ похожа на нашу любовь...

Мелеандръ. Ты, можетъ быть, и права, Аглавена, но все же неужели мы не были правы?

Аглавена. Ахъ, Мелеандръ, это такъ мало быть правымъ. Въ тысячу разъ лучше быть виноватымъ всю свою жизнь, чѣмъ заставлятъ плакать тѣхъ, кто неправъ... Я отлично знаю все, что можно сказать по этому поводу, но къ чему все это, когда мы твердо знаемъ, что это ничего не измѣнитъ въ той глубокой истинѣ, которая не оправдываетъ ни одного изъ нашихъ прекрасныхъ словъ. Будемъ же слушать эту истину, не строящую пышныхъ фразъ! Только простота вещей управляетъ нашей жизнью, помимо всѣхъ нашихъ словъ и поступковъ, и всегда ошибаешься, если начнешь бороться противъ того, что такъ просто. Кто знаетъ, по какимъ причинамъ мы встрѣтились слишкомъ поздно?... И кто осмѣлится сказать, что судьба не есть „Провидѣніе“?... Сегодня я повинуюсь только твоей и своей душѣ и то, что мы сказали, не измѣнило бы того, что, я чувствую теперь, предрѣшается въ глубинѣ насъ... Мы такъ благоразумы въ эту минуту, Мелеандръ, что если бы кто-нибудь случайно подслушалъ бы насъ, то удалился бы, говоря: „Они очень мало любятъ другъ друга или же не знаютъ, что такое настоящая любовь“... Потому что мы

любимъ другъ друга тамъ, гдѣ любовники на часъ даже и не мечтають любить...

Малевандръ, обнимая ее. Я люблю тебя, моя Аглавена, и право такъ и любить лучше всего...

Аглавена, также обнимая его. Я люблю тебя, мой Мелеандръ, и право такъ и любить на вѣки...

Мелеандръ. Ну, а теперь, подумала ли ты о томъ, что будетъ съ нашей жизнью, когда мы будемъ разлучены, и отъ нашей огромной любви останется только одно мильенное воспоминаніе, которое должно будетъ исчезнуть понемногу, какъ всѣ воспоминанія... Что буду я дѣлать здѣсь на будущей годъ? Что ты будешь дѣлать тамъ въ будущемъ году? Мы будемъ томиться дни и мѣсяцы, простирая руки въ пространство...—Увы! я не хочу плакать, но что бы ни случилось, мы стремимся обнять другъ друга... Какъ бы мы ни увѣрили другъ друга, что будемъ любить несмотря на годы, на лѣса и на моря, которые будутъ раздѣлять насъ, въ нашей бѣдной жизни есть столько минутъ, когда самое нѣжное воспоминаніе не можетъ больше вознаградить за слишкомъ долгую разлуку...

Аглавена. Я отлично знаю, что одно сознаніе того, что тебя любить, можетъ утѣшить только на словахъ, когда долго не видишься... Здѣсь мы могли бы быть счастливы... Тѣмъ не менѣе мы оба чувствуемъ, что я хочу поступить такъ, какъ слѣдуетъ... Ты будешь долго плакать, я буду плакать вѣчно, потому что недостаточно вѣдь сознавать, что поступилъ прекрасно, и нельзя запретить слезамъ катиться изъ глазъ... И если бы ты зналъ такое слово, которое, не измѣнивъ ничего, заставило бы меня остаться, ты бы не произнесъ его... Когда любишь такъ, какъ не любить другіе, приходится страдать тамъ, гдѣ другіе не

вѣдаютъ страданій... Награды не будетъ никакой, мой бѣдный Мелеандръ, да мы и не ждемъ ея!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

У ПОДНОЖЬЯ БАШНИ.

Входитъ Аглавена и Мелеандръ.

Аглавена. Я сейчасъ видѣла ее на самомъ верху башни, окруженную громко кричащими чайками... Последніе два-три дня она постоянно поднимается туда... и я не знаю, отчего это меня такъ тревожитъ... Мнѣ кажется, что она одновременно стала и безпокойнѣе и менѣе грустной, словно что-то готовится въ этомъ маленькомъ и глубокомъ сердечкѣ...

Мелеандръ. Мнѣ кажется, она опять увлеклась прежнимъ маленькимъ міркомъ Селизеты... Развѣ ты не замѣтила, какъ она оживилась и поетъ?.. Она идетъ впереди насъ, точно озаренная неожиданнымъ свѣтомъ... Не лучше ли не говорить съ ней о твоёмъ отъѣздѣ, пока она не станетъ спокойна, и подождать, чтобы то, что такъ измѣнило ее, окрѣпло въ ея душѣ.

Аглавена. Нѣтъ, я хочу сказать ей сегодня же объ этомъ...

Мелеандръ. Но какъ же ты ей скажешь? Развѣ ты не боишься, что ребенокъ, который сталъ ужъ такъ близокъ намъ и, несмотря на свои слезы, живетъ только тобой, будетъ страдать оттого, что ты уѣдешь, такъ же, какъ стра-

дала бы и ты, еслибы существо выше тебя пожертвовало своей жизнью ради жизни, которая не стоит ея...

Аглавена. Мы не имѣемъ права распорядиться жизнью другихъ... Но я тоже думала о томъ, что сказать ей.. Сначала мнѣ было пришло въ голову обмануть ее, чтобы избавить отъ страданій... Не смѣйся, Мелеандръ,— правда, я очень мало похожа на обыкновенныхъ женщинъ, потому ты и не могъ думать, что и я обладаю той маленькой мудростью, присущей исключительно женщинамъ, и такъ же хорошо умѣю обманывать, какъ и мои сестры, въ томъ случаѣ, гдѣ любовь подсказываетъ, что обманъ необходимъ. И такъ, я думала сказать ей, что обманулась въ тебѣ, разлюбила тебя и ты тоже разлюбилъ меня, словомъ, тысячу подобныхъ вещей, которыя уронили бы меня въ ея глазахъ и такимъ образомъ облегчили бы и ея горе. Но увѣряю тебя, передъ ея большими чистыми глазами я почувствовала, что это невозможно, такъ какъ это была бы неправда... Послушай... Я слышу, что она съ пѣсней спускается съ лѣстницы башни... Уйди, Мелеандръ, мнѣ нужно остаться съ ней одной, потому что она говоритъ со мной о такихъ вещахъ, о которыхъ еще не можетъ говорить съ тобой, и потому истина опускается со своей высоты только къ двумъ существамъ...

Мелеандръ уходитъ. Молчаніе, потому слышенъ постепенно приближающійся голосъ Селизеты.

СЕЛИЗЕТА за сценой.

Когда онъ уходилъ,
Я двери стукъ слыхала.

Когда онъ уходилъ,
Она захотала.

—
Когда онъ вновь пришелъ,
Я лампы свѣтъ видала.
Когда онъ вновь пришелъ,
Она другою стала.

—
И умерла она,
Ея я сердце знала.
И умерла она,
Хотя не умирала...

—
Входитъ Селизета.

Аглавена. Какіе у тебя большіе и ясныя глаза сегодня, Селизета...

Селизета. Это потому, Аглавена, что у меня явилась прекрасная мысль...

Аглавена. Скажи ее мнѣ, Селизета, никогда не надо скрывать прекрасной мысли, такъ какъ она радуется всѣхъ...

Селизета. Я еще не могу сказать ее тебѣ...

Аглавена. Нѣтъ, все скажи мнѣ, Селизета, можетъ быть, я могу помочь тебѣ...

Селизета. Вотъ это-то какъ разъ и беспокоитъ меня, я бы хотѣла высказать ее кому-нибудь, потому что одна я не знаю, но еслибы я сказала кому-нибудь о своей мысли, то она бы перестала быть такой прекрасной...

Аглавена. Не знаю, что бы это могло быть, мнѣ кажется, что прекрасная мысль становится еще прекраснѣе, когда ею восхищаются другіе.

Селизета. Ага, видишь, Аглавена.. и у маленькой Селизеты есть своя тайна, которую она сумѣетъ хранить. Но скажи мнѣ, какъ бы ты поступила на моемъ мѣстѣ, будь ты маленькой Селизетой, а другая Аглавена, еще прекраснѣе тебя, явилась бы поцѣловать Мелеандра...

Аглавена. Она внесла бы лучъ свѣта въ домъ, и мнѣ кажется, я бы постаралась быть счастливой и любить ее такъ, какъ ты любишь меня, Селизета...

Селизета. И ты бы не ревновала?

Аглавена. Не знаю, Селизета, можетъ быть, въ самой глубинѣ души и только на минуту... но потомъ я бы увидѣла, что это нехорошо, и постаралась бы быть счастливой...

Селизета. Я стою на порогѣ къ счастью, Аглавена...

Аглавена. Нужно, чтобы ты ни минуты больше не была несчастлива...

Селизета. Я была бы совершенно счастлива, еслибы была увѣрена, что мысль моя хороша...

Аглавена. Почему бы ей быть нехорошей, если она дѣлаетъ тебя счастливой?

Селизета. Это такъ трудно знать, Аглавена, а я совѣмъ одна..

Аглавена. Но почему же ты не хочешь сказать мнѣ, я увѣрена, что могла бы помочь тебѣ...

Селизета. Да, да, ты могла бы мнѣ помочь... но я хочу, чтобы ты помогла мнѣ, сама не зная этого...

Аглавена. Ты значить хочешь что-то скрыть отъ меня, Селизета?

Селизета. Да, я скрываю отъ тебя одну вещь, чтобы показать ее тебѣ, когда она станетъ прекрасной...

Аглавена. Когда же она станетъ прекрасной?

Селизета. Когда я узнаю... Когда я узнаю... Маленькая Селизета тоже может быть прекрасной... ты увидишь... увидишь... О, вы оба полюбите меня гораздо сильнее...

Аглавена. Развѣ можно полюбить тебя еще сильнее, Селизета?..

Селизета. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, что бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?..

Аглавена. Я готова тебѣ сказать это, Селизета...

Селизета. Если бы я тебѣ рассказала все, то ужъ это было бы не то, и ты не смогла бы мнѣ сказать правду.

Аглавена. Развѣ я не всегда говорила правду?

Селизета. Да, я знаю, но въ этомъ случаѣ ты бы не могла мнѣ ее сказать...

Аглавена. Ты очень странная сегодня, Селизета, и ты должна быть осторожниѣ, ты можешь легко ошибиться...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, дай я поцѣлую тебя, Аглавена... и чѣмъ больше буду я цѣловать тебя, тѣмъ буду я увѣрениѣ въ томъ, что не ошибаюсь...

Аглавена. Я никогда не видала у тебя болѣе свѣтлыхъ глазъ, чѣмъ сегодня, моя маленькая Селизета... Я бы сказала, что душа твоя опьянена...

Селизета. И твои глаза, Аглавена, сегодня свѣтлѣе, а, между тѣмъ, ты хочешь ихъ спрятать...

Аглавена. Мнѣ тоже нужно что-то сказать тебѣ...

Селизета. Ну, что такое?.. Можно подумать, что ты тоже боишься... а можетъ быть, это то же самое...

Аглавена. Что то же самое?

Селизета. Ничего, ничего... это я такъ болтаю... болтаю... ну, говори скорѣе, въ чемъ дѣло?..

Аглавена. Я боюсь, что это огорчить тебя, хотя это должно было бы сдѣлать тебя счастливой...

Селизета. Я больше никогда не буду плакать, Аглавена...

Аглавена, хватая ее за руки. Это еще что такое?.. У тебя такой странный видъ, когда ты это говоришь...

Селизета. Да нѣтъ же, нѣтъ... Я больше не буду плакать—вотъ и все. Развѣ же это не естественно?

Аглавена. Дай мнѣ посмотрѣть тебѣ въ глаза.

Селизета. Смотри, смотри... что же ты тамъ видишь?..

Аглавена. Напрасно говорятъ, что душа наша видна въ глазахъ... Скорѣе можно сказать, что она прячется за ними... И когда я съ тревогой смотрю въ твои глаза, то мнѣ кажется, что это они вопрошаютъ меня и дрожа говорятъ: что ты читаешь въ нихъ? вмѣсто того, чтобы отвѣтить на вопросъ, который я боюсь предложить...

Молчаніе.

Селизета. Аглавена?..

Аглавена. Селизета?..

Селизета. Что ты мнѣ хотѣла сказать?

Аглавена. Приди въ мои объятія, моя маленькая Селизета, у которой я чуть-чуть не отняла всего, что она имѣетъ...

Селизета. Тебѣ грустно, Аглавена?

Аглавена. Нѣтъ, я не грустна, потому что ты будешь счастлива, Селизета...

Селизета. Я хочу вытереть эти крупныя слезы...

Аглавена. Не безпокойся, если ты тоже будешь плакать, я вытру твои глаза раньше своихъ. Сядемъ здѣсь у подножія башни, чтобы я могла поцѣловать тебя хорошенько,

какъ въ тотъ вечеръ, когда мы говорили въ первый разъ... Ты помнишь тотъ вечеръ на краю бассейна? Прошло ужъ больше мѣсяца, моя бѣдная Селизета, многое умерло за это время, многое и родилось, и душа стала видѣть яснѣй... Дай мнѣ твои губы, Селизета, чтобы я смогла поцѣловать тебя по-человѣчески, какъ только можетъ одно человѣческое существо цѣловать другое... У насъ ужъ больше не будетъ такихъ минутъ, какъ сейчасъ, потому что я уѣзжаю завтра, а все, что мы дѣлаемъ въ послѣдній разъ, кажется нашему бѣдному сердцу такимъ важнымъ и глупо-бокимъ...

Селизета. Ты уѣзжаешь завтра?

Аглавена. Да, завтра, Селизета, объ этомъ - то я и хотѣла тебѣ сказать... Сначала я было хотѣла скрыть отъ тебя, обмануть, чтобы отдалить отъ тебя горе, но я вижу тебя такой прекрасной, такъ высоко цѣню тебя, что у меня сердце не повернулось избавить тебя отъ страданія, которое приближаетъ тебя къ намъ. И когда попробуешь пожить немного по правдѣ, какъ жили мы всѣ трое этотъ мѣсяцъ, то все измѣняется и больше уже нельзя говорить неправды... Когда я думала о тебѣ, то сейчасъ же почувствовала, что это невозможно... потому-то я и пришла тебѣ сказать, что уѣзжаю завтра, чтобы ты была счастлива. Я говорю тебѣ это просто, чтобы ты знала, что я страдаю, уѣзжая отсюда, и чтобы ты понесла часть жертвы, такъ какъ мы всѣ трое жертвуемъ собой чему-то, что даже не имѣетъ имени, а вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо сильнѣе насъ... Но это вовсе не такъ ужъ страшно, Селизета... Я люблю тебя, люблю Мелеандра, Мелеандръ любитъ меня, любить и тебя, ты любишь насъ обоихъ, а все же мы не смогли

бы жить счастливо, потому что не наступилъ еще тотъ часъ, когда люди смогутъ соединиться такимъ образомъ.— Я уѣзжаю и прошу тебя согласиться на мой отъѣздъ съ такимъ же чистымъ сердцемъ, съ какимъ я его предлагаю. Принявъ его, ты поступишь такъ же прекрасно, какъ и я, и жертва твоя будетъ даже пожалуй больше моей, такъ какъ тотъ, который принимаетъ жертву, не можетъ быть счастливъ такъ, какъ тотъ, который ее приноситъ... Я люблю тебя, моя Селизета, и мнѣ хотѣлось бы поцѣловать тебя такъ крѣпко, какъ я только могу. Не кажется ли тебѣ, что, когда мы вотъ такъ въ объятіяхъ другъ друга, созерцаемъ истину, мы касаемся чего-то болѣе valuable, чѣмъ мы?..

Селизета. Не уѣзжай завтра...

Аглавена. Почему не ѣхать завтра, если все равно надо ѣхать?..

Селизета. Прошу тебя, не уѣзжай, пока я не скажу тебѣ...

Аглавена. А ты скоро скажешь?

Селизета. Да, теперь я увѣрена... А Мелеандръ знаетъ о томъ, что ты мнѣ сейчасъ сказала?

Аглавена. Да...

Селизета. Я больше не грущу, Аглавена...

Аглавена. Что бы ты сдѣлала, еслибъ я уѣхала, ничего не сказавъ тебѣ?..

Селизета. Я бы отправилась за тобой, Аглавена, и привезла бы тебя обратно...

Аглавена. А еслибъ ты меня не нашла?

Селизета. О, я бы искала тебя всю жизнь...

Аглавена. Боюсь, какъ бы ты не уѣхала раньше меня,

Селизета, и ужъ не это ли и есть та мысль, о которой ты мнѣ только что говорила?

Селизета. Это была бы несчастная мысль, Аглавена, а у меня есть счастливая... Я тоже думала уѣхать отсюда, не говоря ни слова, но теперь...

Аглавена. Но теперь ты не уѣдешь?

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, моя Аглавена, я не выйду изъ этого замка...

Аглавена. Ты общаешь мнѣ это отъ всего сердца?

Селизета. Отъ всего моего сердца и клянусь тебѣ моимъ вѣчнымъ блаженствомъ, Аглавена...

Аглавена. Не знаю, не лучше ли было бы, еслибъ я совсѣмъ не пріѣзжала сюда?..

Селизета. Еслибы ты не пріѣхала, я никогда не была бы ни счастлива, ни несчастлива, я была бы ничто...

Аглавена. Кто знаетъ, позволительно ли будить спящихъ, въ особенности, когда ихъ сонъ невиненъ и сладокъ...

Селизета. Вѣроятно позволительно, Аглавена, потому что они больше не хотятъ засыпать. Мнѣ хочется спрятаться, когда я вспоминаю то время, когда я ничего не видѣла... Я, какъ маленькая слѣпая, цѣловала Мелеандра и ничего не знала... Развѣ я виновата въ томъ, что я такая маленькая? Но теперь... Сегодня ночью онъ спалъ, а я смотрѣла на него... а потомъ... Можно тебѣ сказать, Аглавена?

Аглавена. Селизета... Моя маленькая Селизета!..

Селизета. Потомъ я его поцѣловала, не разбудивъ его. Въ то же время я видѣла звѣзды въ синевѣ оконъ, словно всѣ эти звѣзды явились затѣмъ, чтобы устроить небо въ моей душѣ... Моя бѣдная Аглавена, ты этого ни-

когда не испытаеть, потому что все знала заранѣе... Но смочь сказать съ открытыми глазами „люблю тебя“ тому, кого любишь... я понимаю... Не знаю, почему мнѣ хочется уйти или умереть за васъ обоихъ... Я счастлива, а мнѣ хочется умереть, чтобы быть еще счастливѣе...

Аглавена. Очень опасно думать о смерти, когда слишкомъ счастливъ... Нужно ли мнѣ скрывать?... Одну минуту я боялась, что мысль, о которой ты мнѣ говорила...

Селизета. Да!..

Аглавена. Я боялась, что эта и есть твоя мысль...

Селизета. Не бойся, Аглавена, это было бы мыслью совѣмъ маленькаго ребенка...

Аглавена. Да, это было бы мыслью маленькихъ слѣпыхъ сердечекъ, которыя не могутъ доказать своей любви иначе, какъ смертью. Наоборотъ, надо жить, когда любишь, и чѣмъ больше любишь, тѣмъ необходимѣе жить... И потому я знала, что ты насъ слишкомъ любишь, чтобы поступить такимъ образомъ... И если подумать... Даже тотъ, кто искренно желаетъ несчастья двухъ существъ, не могъ бы поступить болѣе жестоко, чѣмъ поставить между ними двумя смерть невиннаго существа.

Селизета. Хочешь, я тоже признаюсь тебѣ, Аглавена?

Аглавена. Нужно признаваться во всемъ, какъ это сдѣлала я, маленькая моя Селизета... Такъ хорошо, когда между двумя существами нѣтъ ничего, даже цвѣтка, за которымъ бы пряталась нераздѣленная мысль...

Селизета. Одну минуту я думала...

Аглавена. Умереть?

СЕЛИЗЕТА. Да, нѣсколько времени тому назадъ... но я сейчасъ же сказала себѣ то, что ты говорила, и вотъ я нашла нѣчто другое...

АГЛАВЕНА. Что ты нашла?

СЕЛИЗЕТА. О, это совсѣмъ другое и относится къ жизни... Но еще не время говорить объ этомъ... Ты увидишь... Я цѣлую тебя... Я не знаю, что со мной. . Можно сказать, что душа моя... Ты ли это говорила? Можно сказать, что душа моя опьянена въ своемъ тѣлѣ... И потомъ.. я, наконецъ, узнала, какъ бы поступила ты на моемъ мѣстѣ...

Онѣ уходятъ, обнявшись.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ТЕРРАСА НАДЪ МОРЕМЪ.

Входятъ и встрѣчаются Аглавена и Селизета.

АГЛАВЕНА. Солнце встаетъ изъ-за моря, Селизета.. Видишь ты спокойную и глубокую радость волнъ? Не кажется тебѣ въ прохладѣ и прекрасный тишинѣ зари, что ты одна въ цѣломъ свѣтѣ, и все, что творится, есть тоже часть зари? День будетъ прекрасный, Селизета... Ты тоже прекрасна... прекрасна и съ каждымъ новымъ восходомъ

зари становишься все прекраснѣе... Не скажешь ли ты мнѣ, что такъ преображаетъ тебя, чтобы я до своего отъѣзда могла принять въ этомъ участіе? Душа ли твоя опьяняется невинностью, молилась ли ты Богу, мнѣ неизвѣстному, или же ты полюбила такъ, какъ еще никогда не любила?..

Селизета. Да, мнѣ кажется, что я люблю сильнѣе...

Аглавена. Я пришла навстрѣчу тебѣ, потому что видѣла тебя сейчасъ изъ окна моей комнаты... Я испугалась... Ты свѣсилась, свѣсилась всѣмъ тѣломъ со старой, разрушенной стѣны, на самой верхушкѣ башни... Одну минуту мнѣ показалось, что камни колеблются... Я такъ поблѣднѣла и вся похолодѣла отъ страха въ эту минуту, какъ никогда въ жизни... Я почувствовала, какъ жизнь блуждаетъ по краю моихъ губъ... въ первый разъ я ощутила во рту вкусъ жизни или смерти, ужъ не знаю право... Я открыла окно и долго кричала, чтобы предупредить тебя, но ты не поняла... Не надо искушать угрюмой судьбы. Что ты дѣлала тамъ наверху? Вотъ ужъ въ третій разъ я тебя тамъ вижу... Ты словно царапала камни руками... Что это такое? У тебя былъ такой видъ, точно ты искала чего-то въ пространствѣ...

Селизета. Я и въ самомъ дѣлѣ искала... Развѣ же ты не знаешь?.. Но прежде всего пожалуйста не бойся, ничего страшнаго тутъ нѣтъ. Моя старая башня гораздо крѣпче, чѣмъ думаютъ, и простоятъ дольше насъ всѣхъ. За что ея не любятъ? Она еще никому не сдѣлала зла, и я знаю лучше другихъ, что камни неподвижны... Но ты ея не видала? Ты значить не знаешь, что дѣлается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тебя? Ужъ пять или шесть дней,

какъ къ намъ прилетѣла неизвѣстная птица, которая безъ усталости летаетъ вокругъ моей башни... У нея зеленяя крылья, но такого страннаго блѣднаго тона, что просто удивительно... но что еще удивительнѣе, такъ это то, что она съ каждымъ днемъ увеличивается... Никто не могъ мнѣ сказать, изъ какой страны она явилась... Мнѣ кажется, что она вьетъ себѣ гнѣздо въ расщелинахъ стѣны, какъ разъ подь тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ты видѣла меня свѣсившейся...

Аглавена. Этотъ большой, золоченый ключъ, которымъ ты играешь, отъ башни?

Селизета. Да, помнишь, онъ еще упалъ въ день твоего приѣзда...

Аглавена. Отдай мнѣ его, пожалуйста...

Селизета. Отдать тебѣ... зачѣмъ?

Аглавена. Мнѣ хочется спрятать его до дня моего отъѣзда...

Селизета. Зачѣмъ это, Аглавена?

Аглавена. Я сама хорошенько не знаю... но только не поднимайся больше наверхъ, Селизета, до дня моего отъѣзда и не безпокойся больше о птицѣ съ зелеными крыльями... Я видѣла дурной сонъ, въ которомъ она была замѣшана...

Селизета. На, бери его, Аглавена... мнѣ все равно... Онъ очень тяжелый...

Аглавена. Да, въ самомъ дѣлѣ онъ очень тяжелый...

Селизета. Поцѣлуй меня, Аглавена... я огорчила тебя?

Аглавена. Нѣтъ, до сихъ поръ ты еще никогда никого не огорчала! Что это? Твои глаза полны слезъ?

Селизета. Это оттого, что я смотрѣла на солнце въ время, какъ цѣловала тебя... Поцѣлуй меня еще... Я иду къ Мелеандру, онъ сказалъ мнѣ, что встанеть рано... До свиданья, Аглавена...

Аглавена медленно. До свиданья, Селизета...

Селизета уходитъ. Аглавена дожидается, пока она выйдетъ, подходит къ краю террасы, съ минуту смотритъ на золотой ключъ и вдругъ бросаетъ его далеко въ море. Затѣмъ тоже уходитъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

КОМНАТА ВЪ ЗАМКѢ.

Въ глубинѣ комнаты спитъ Мелигранъ, входитъ Селизета, держа за руку маленькую Иссалину.

Селизета. Мы сначала поцѣлуемъ бабушку, потому что кто же будетъ цѣловать ее, когда мы уйдемъ? А ей такъ же, какъ и другимъ необходимо, чтобы ее цѣловали... Но не говори ничего... Аглавена взяла у меня ключъ отъ нашей башни, потому что боится, но я разыскала другой ключъ, который считали потеряннымъ. Мы взберемъ туда такъ, что никто этого не замѣтитъ, и я достану зеленую птицу...

Иссалина. Ты мнѣ ее сейчасъ же отдашь?

Селизета. Я дамъ ее тебѣ, если ты будешь молчать... Ну, тише... я сейчасъ разбужу бабушку... Похожа я на несчастную, Иссалина?

Иссалина. Что сказать тебѣ, чтобы ты была счастлива, сестренка?

Селизета. Ты должна мнѣ сказать правду... Не нужно, чтобы бабушка воображала, что я несчастна... Видишь ли, иногда, когда очень счастливы, люди ошибаются и думаютъ, что плакали... Незамѣтно, что я плакала?

Иссалина. Дай мнѣ посмотрѣть хорошенько, сестренка.

Селизета. Ничего незамѣтно?

Иссалина. Нагнись еще немного, сестренка.

Селизета. Подожди, я приподниму тебя и поцѣлую. Ну, ты ничего не видишь?

Иссалина. У тебя никогда нельзя узнать навѣрное, плакала ли ты, сестренка... ты плачешь такъ тихо...

Селизета. Да я вовсе не плакала... это мнѣ пошало немножко пыли или еще что-нибудь, чего не видно... И потомъ, если тебя будутъ сегодня спрашивать, когда ты останешься одна: „что она говорила, что она дѣлала, была ли блѣдной и грустной“, — ты не должна отвѣчать сразу, когда увидишь, что всѣ окружающіе испуганы или очень блѣдны... Но нужно сказать, что я была очень весела потому что, видишь, я все время улыбаюсь... никогда не надо скрывать правды. Теперь будемъ умницами, я сейчасъ пойду къ бабушкѣ... А какой она выглядитъ покинутой... Она подходитъ къ Мелигранѣ и долго ее цѣлуетъ. Бабушка... Мелиграна не просыпается. Это я, бабушка... она спитъ такъ крѣпко... Бабушка, я пришла проститься съ тобой...

Мелиграна, пробуждаясь. А, это ты, Селизета?..

Селизета. Да, бабушка, я пришла съ маленькой Иссалиной поцѣловать тебя, мы уходимъ гулять въ деревню...

Мелиграна. Куда вы идете?

Селизета. Я еще не знаю, но мы хотимъ пойти дальше обыкновеннаго... Мы не вернемся раньше вечера... Все ли у тебя есть, что нужно, бабушка?... Аглавена поухаживаетъ за тобой вмѣсто меня... Хочешь я поправлю тебѣ подушки прежде, чѣмъ уйду... только одна я умѣю приподнимать тебя, не дѣлая тебѣ больно... Но Аглавена научится .. она такая добрая и сразу сумѣетъ, если только ты ей позволишь... Хочешь я тебѣ ее позову?...

Мелиграна. Нѣтъ, нѣтъ, я буду спать до твоего возвращенія...

Селизета. Такъ до свиданья, бабушка, до свиданья...

Мелиграна. До свиданья. Селизета, возвращайся до ночи...

Селизета поспѣшно уходитъ, увлекая за собой маленькую Иссалину.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

КОРИДОРЪ ВЪ ЗАМКѢ.

Мелеандръ встрѣчается съ Селизетой, которая держитъ за руку маленькую Иссалину.

Мелеандръ. Куда это ты такъ спѣшишь, Селизета?

Селизета. Никуда, Мелеандръ... мы ищемъ мѣстечка, гдѣ бы укрыться отъ солнца...

Мелеандръ. Да, правда кажется, что даже камни расплавились сегодня въ горнилѣ стѣнъ, море похоже на раска-

ленное озеро, и даже вѣчная прохлада лѣсовъ сегодня не больше, чѣмъ прохлада въ тѣни костра, а солнце имѣетъ видъ разъяреннаго льва, раздрающаго громаду неба... Поцѣлуй меня, Селизета, твои поцѣлуи единственное, что намъ осталось отъ утренней росы...

СЕЛИЗЕТА. Нѣтъ, мнѣ некогда, меня ждуть... я поцѣлую тебя вечеромъ...

МЕЛЕАНДРЪ. Что съ тобой, Селизета?

СЕЛИЗЕТА. Ахъ, это такіе пустяки, и прошло такъ быстро...

МЕЛЕАНДРЪ. Что ты говоришь?

СЕЛИЗЕТА. Ничего, ничего... Цѣлуй меня скорѣй...

Она крѣпко цѣлуетъ его.

МЕЛЕАНДРЪ. Ахъ, у меня кровь идетъ изъ губы...

СЕЛИЗЕТА. Что такое?

МЕЛЕАНДРЪ. У меня кровь идетъ... твои прекрасные, маленькіе зубки ранили меня, Селизета...

СЕЛИЗЕТА. О, да... я маленькая... Маленькая волчица... Больно тебѣ, Мелеандръ?

МЕЛЕАНДРЪ. Напротивъ... Это ничего, уже прошло...

СЕЛИЗЕТА. Да, я маленькая... маленькая волчица... Который часъ?..

МЕЛЕАНДРЪ. Скоро полдень...

СЕЛИЗЕТА. Полдень? О, у меня больше нѣтъ времени... Меня ждуть, меня ждуть... До свиданья, мой Мелеандръ.

МЕЛЕАНДРЪ. Селизета, Селизета, куда ты?

Селизета поетъ, быстро удаляясь съ маленькой Иссалиной.

СЕЛИЗЕТА. Когда онъ уходилъ

Я двери стукъ слышала.

Когда онъ уходилъ,
Она захохотала.

Меландръ смотритъ ей вслѣдъ, по-
гомъ тоже уходитъ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

НА ВЕРШИНѢ БАШНИ.

Входятъ Селизета и маленькая
Иссалина.

Селизета. Вотъ мы и на самой вершинѣ башни^{*}
Иссалина, и теперь нужно рѣшить, что намъ дѣлать... О,
какъ ясны сегодня и небо, и земля, и море... И зачѣмъ
этотъ день прекраснѣе всѣхъ остальныхъ?

Иссалина. Гдѣ же зеленая птица?

Селизета. Она вонъ тамъ, но ея еще не видно... Мы
сейчасъ свѣсимся со стѣны, но сначала посмотри сюда...
Видишь, замокъ, внутренніе дворы, сады и лѣса... Всѣ
цвѣты около воды распустились... Какъ зелена трава сего-
дня... Я не вижу Аглавены... А вонъ тамъ, видишь, Ме-
леандръ? Онъ ждетъ ее... Нагнись, спрячься, не нужно,
чтобы они насъ видѣли здѣсь... Онъ на берегу бассейна...
Это тамъ я разбудила Аглавену...

Иссалина. Сестренка, сестренка, посмотри сюда. Вотъ
садовникъ сѣетъ цвѣты вокругъ дома...

Селизета. Ты увидишь, какъ они взойдутъ и распу-
стятся, и сорвешь ихъ для меня, Иссалина... Иди, иди, я

не могу больше... Давай смотришь сюда, тутъ видно только море, которое дальше отъ насъ... Онѣ переходятъ на другую сторону башни. Оно тоже слишкомъ прекрасно... Сегодня нельзя найти ни одного грустнаго уголка... Оно такъ прекрасно, такое глубокое и зеленое, что больше нѣтъ силъ... И затѣмъ, моя маленькая Иссалина, все это не помѣшаетъ ему улыбаться съ самаго вечера. Видишь ты маленькія волны на берегу? Я говорю тебѣ, что не могу, не могу... Цвѣты и море мѣшаютъ мнѣ... Я никогда не смогу сдѣлать этого днемъ...

Иссалина. А вотъ и чайки летятъ, чайки, сестренка. О, сколько ихъ!.. Ихъ цѣлыя тысячи...

Селизета. Онѣ летятъ всѣ вмѣстѣ съ той стороны моря... Можно подумать, что онѣ несутъ извѣстія...

Иссалина. Нѣтъ, нѣтъ, сестренка, онѣ тащатъ рыбокъ... А птенчики кричатъ изъ шелей стѣнъ... у нихъ носики больше ихъ самихъ... Вонъ, вонъ, видишь? Большая тащитъ угря... ты не видишь? Вонъ тамъ... тамъ... Онѣ ужъ съѣли его... А вотъ тутъ другая... А большія ничего не ѣдятъ? Вотъ еще, видишь? Большая ничего не оставила себѣ... Это мать, сестренка?..

Селизета. Что я сказала бабушкѣ, Иссалина?

Иссалина. О чемъ ты плачешь, сестренка?

Селизета. Я не плачу, Иссалина, но я думаю, думаю... поцѣловала-ли я бабушку, когда мы уходили?

Иссалина. Да, уходя, ты поцѣловала ее...

Селизета. Сколько разъ?

Иссалина. Одинъ разъ, сестренка, у насъ не было времени...

СЕЛИЗЕТА. Мнѣ кажется, что я не была ласкова съ ней...

ИССАЛИНА. Мы очень спѣшили, сестренка...

СЕЛИЗЕТА. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу такъ .. Она останется совсѣмъ одна, Иссалина, и никогда не будетъ вспоминать ничего другого. Видишьли, когда, человѣкъ, уходя, не былъ ласковѣ обыкновеннаго, то оставшіеся думаютъ, что онъ ихъ не любилъ... Но нужно думать совсѣмъ наоборотъ: боишься быть ласковой потому, что слишкомъ любишь... Правда, это нехорошо, потому что, что бы они ни дѣлали, еслибы прожили хоть тысячу лѣтъ, они не помнили бы ничего, кромѣ послѣдняго произнесеннаго слова... Я сама видѣла это, когда ушла мать... Она не улыбнулась мнѣ въ самую послѣднюю минуту, и я всегда вижу, что она не улыбнулась мнѣ. Можно подумать, что вся остальная жизнь не идетъ въ счетъ... Потому, что я сказала ей объ Аглавенѣ?.. Я не помню что-то... мнѣ необходимо повидать бабушку... Другіе..? Имъ и не нужно знать... Но она совсѣмъ одна, и не для нея я поднимаюсь на башню и спущусь съ нея... Ты понимаешь, что это невозможно?.. Пойдемъ, пойдемъ... Поцѣлуемъ ее покрѣпче...

Онъ уходитъ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

КОМНАТА ВЪ ЗАМКѢ.

МЕЛИГРАНА спитъ. Входятъ Селизета и маленькая Иссалина.

СЕЛИЗЕТА будитъ Мелиграну. Бабушка...

Мелиграна. Наконецъ-то ты вернулась, Селизета... Ты заставила себя долго ждать...

Селизета. Прости, бабушка, мнѣ показалось, что я была сейчасъ недостаточно ласкова съ тобой.

Мелиграна. Да нѣтъ же, нѣтъ, ты была очень ласкова... Что случилось?.. Ты какъ будто взволнована...

Селизета. Я нисколько не взволнована, бабушка, но мнѣ захотѣлось сказать тебѣ, что я люблю тебя...

Мелиграна. Я знаю, Селизета, ты мнѣ много разъ доказывала это, и я никогда не сомнѣвалась...

Селизета. Да, бабушка, но я хорошенько не знала...

Мелиграна. Подойди поближе, дѣвочка, ты вѣдь знаешь, что я не могу цѣловать тѣхъ, кого люблю, потому что мои бѣдныя руки не повинуются мнѣ... Поцѣлуй же меня два раза и за себя и за меня... Ты что-то странная сегодня... И ты до сихъ поръ не знала, что любишь меня?..

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, я знала, но иногда знаешь долгое время, не отдавая себѣ отчета въ томъ... потомъ въ одинъ прекрасный день говоришь себѣ, что не была добра, что можно было сдѣлать больше, и что любила недостаточно... И хочется исправить все раньше, чѣмъ будетъ поздно... У меня нѣтъ ни отца, ни матери, и я бы не знала, что такое мать, не будь тебя, бабушка. Но ты не покинула свою маленькую Селизету, и я была счастлива отъ сознанія, что мнѣ есть куда пойти, когда я чувствовала себя несчастной...

Мелиграна. Да нѣтъ же, нѣтъ... Это ты не покинула меня, моя Селизета...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, бабушка... я хорошо знаю, что это ты не ушла отъ меня...

Мелиграна. Ты очень серьезна сегодня, Селизета, и все же я не думаю, чтобы ты была грустна...

Селизета. Я всегда была счастлива, бабушка, а теперь я знаю, что такое счастье...

Мелиграна. Не потому ли, что ты его потеряла, Селизета?

Селизета. Напротивъ, бабушка, потому что мнѣ кажется, что я его нашла... А ты, бабушка, ты была счастлива?

Мелиграна. Когда это, Селизета?

Селизета. Въ свое время, бабушка?..

Мелиграна. О какомъ времени говоришь ты, дѣтка?

Селизета. О времени жизни, бабушка...

Мелиграна. Были и у меня тяжелые дни, какъ и у всѣхъ, живущихъ на землѣ, но я могу сказать, что была счастлива, потому что ты никогда не покидала нашего дома...

Селизета. Не нужно, чтобы счастье зависѣло отъ этого, бабушка... Итакъ, ты не смогла бы быть счастливой, если бы меня здѣсь не было больше?..

Мелиграна. Ты будешь счастлива и тогда, когда меня не станетъ больше, дѣтка, у тебя и безъ меня останется столько всего...

Селизета. Если меня не будетъ, съ тобой останется Аглавена, бабушка...

Мелиграна. Она никогда не спала у меня на колѣняхъ, моя Селизета...

Селизета. Любишь ли ты ее все-таки?

Мелиграна. Люблю, потому что ты любишь ее...

Селизета. Въ особенности ее надо любить за то, что она сдѣлала меня счастливой... Она такъ прекрасна,

такъ прекрасна, бабушка, что съ тѣхъ поръ, какъ я узнала ее въ своемъ сердцѣ, я живу подлѣ нея съ глазами, полными слезъ...

Мелигранна. Какія у тебя сегодня горячія руки, Селизета...

Селизета. Это потому что я слишкомъ счастлива, бабушка...

Мелигранна. Я люблю тебя, моя Селизета...

Селизета. Огорчала ли я тебя когда-нибудь, бабушка?

Мелигранна. Я что-то не помню, дѣтка...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, ты должна помнить, такъ какъ всегда огорчаешь тѣхъ, кого любишь... Миѣ нужно, чтобы ты сказала, когда я больше всего огорчила тебя...

Мелигранна. Ты огорчала меня немного только тогда, когда плакала, но вѣдь это была не твоя вина... Вотъ все, что я могу припомнить...

Селизета. Ты больше никогда не увидишь меня плачущей, бабушка...

Мелигранна. Видишь ли, Селизета, счастье ходить взадъ и впередъ между людьми точно маятникъ у часовъ, и плакать надо насколько возможно поздне...

Селизета. Ты права, бабушка, и когда счастье вернется къ вамъ, къ тебѣ и къ нимъ обоимъ, ты соберешь ихъ вокругъ себя, бабушка, и расскажешь имъ исторію маленькой дѣвочки...

Мелигранна. Что ты говоришь, Селизета?

Селизета. Ничего, ничего, бабушка... я вспоминаю то время, когда я была маленькой...

Мелиграна. Я тоже часто вспоминаю объ этомъ времени, дочь моя... Я еще не была больна и могла носить тебя на рукахъ и всюду слѣдовать за тобой. Ты ходила, бѣгала по заламъ, смѣялась, потомъ открывала двери и страшнымъ голосомъ кричала: „она идетъ!... Идетъ!... Идетъ... Вотъ она!“ И никто не зналъ, о комъ ты говорила такимъ перепуганнымъ голосомъ, да ты и сама этого не знала... Но я притворялась тоже перепуганной и слѣдовала за тобой по длиннымъ коридорамъ до самаго выхода въ садъ. Это все конечно мелочи и не имѣло никакой цѣли, но мы понимали другъ друга и улыбались цѣлыми днями... И вотъ, благодаря тебѣ, я вторично была матерью, когда моя красота уже прошла. Ты когда-нибудь узнаешь, что женщина никогда не устаетъ быть матерью и готова укачивать самую смерть, если бы она прилегла заснуть къ ней на колѣни. Но, Селизета, понемногу все проходить, и самыя маленькія становятся большими...

Селизета. Я отлично знаю это, бабушка. и горе тоже проходить, уходить и снова возвращается еще большее... Но красота остается, и другіе счастливы...

Мелиграна. Кто это сказалъ тебѣ, дѣтка?

Селизета. Это Аглавена, бабушка, рассказываетъ мнѣ обо всемъ.

Мелиграна. Какъ у тебя блестятъ глаза, Селизета...

Селизета, заглушая рыданія. Это потому, что я люблю весь міръ, бабушка...

Мелиграна. Ты, кажется, плачешь, дитя мое?

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, я не плачу... А если и плачу немножко, то это отъ радости...

Мелиграна. Поцѣлуй меня, Селизета, поцѣлуй меня покрѣпче и посиди со мной...

Иссалина. Сестренка, мнѣ хочется, чтобы и меня поцѣловали.

Селизета, тихонько отстраняя Иссалину. Нѣтъ, нѣтъ, Иссалина, дай мнѣ поцѣловать ее одну сегодня... Настанетъ день, когда будутъ цѣловать и тебя одну... До свиданья, бабушка... Бабушка, до свиданья...

Мелиграна. Селизета... Что съ тобой? Куда ты?..

Селизета, освобождаясь. Прощай, бабушка, прощай...

Мелиграна. Селизета, останься здѣсь... я не хочу... я не хочу, чтобы ты уходила... Она дѣлаетъ страшныя и безполезныя движенія, чтобы встать и протянуть руки. Я не могу, не могу, ты вѣдь видишь, Селизета...

Селизета. Я тоже не могу, бабушка... Прощай, бабушка, желаю тебѣ спать спокойно и не видѣть дурныхъ сновъ... Прощай, бабушка, прощай...

Она поспѣшно уходитъ, увлекая за руку маленькую Иссалину.

Мелиграна. Селизета... Селизета...

Слышны ея тихія рыданія въ наступающей темнотѣ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

КОРИДОРЪ ВЪ ЗАМКѢ.

Входитъ Селизета, ведя за руку маленькую Иссалину, замѣчаетъ Аглавену, которая идетъ ей навстрѣчу, и прячется съ Иссалиной за одну изъ колоннъ, поддерживающихъ своды.

Аглавена, подходя. Это ты, Селизета? Зачѣмъ ты прячешься?

Селизета. Я хорошенько не знаю, Аглавена... Я думала, что ты хочешь быть одна...

Аглавена. Куда ты шла, Селизета?.. Вотъ и маленькая Иссалина смотритъ на меня изподлобья... Вы чтонибудь затѣяли?

Селизета. Да, я дала обѣщаніе, которое необходимо сдержать...

Аглавена. Куда это ты тащила Селизету, Иссалина? Иссалина не отвѣчаетъ. Ты не хочешь сказать? А если я буду цѣловать тебя до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не отвѣтишь?

Селизета. О, она уже не хуже большой умѣетъ хранить секреты.

Аглавена. Не знаю, отъ наступающихъ ли сумерокъ это, но ты мнѣ кажешься ужасно блѣдной.

Селизета. Мнѣ хочется поцѣловать тебя, Аглавена...

Онѣ долго цѣлуются.

Аглавена. Какія у тебя сегодня вечеромъ добрыя и нѣжныя губы...

Селизета. И у тебя тоже... Я теперь гораздо счастливѣе... Въ твоихъ губахъ есть сила...

Аглавена. Ты свѣтишься точно маленькая лампочка, Селизета...

Селизета. Ты не видала бабушку?

Аглавена. Нѣтъ, нужно пойти къ ней?

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Она спитъ теперь... Ты идешь къ Мелеандру?

Аглавена. Да, а ты, Селизета?

Селизета. Когда увидишь его, поцѣлуй его за меня... Я счастлива при мысли, что ты цѣлуешь его за меня. Я такъ люблю васъ, что чувствовала бы ревность, еслибы онъ не цѣловалъ никого...

Аглавена. Это ты, Селизета, становишься прекрасной!

Селизета. О, это такъ легко, когда знаешь, Аглавена... Но развѣ ты не видишь, что Иссалина теряетъ терпѣніе и дергаетъ меня за руку?.. До свиданья, моя Аглавена, мы увидимся позднѣе...

Она уходитъ съ маленькой Иссадиной, и слышно, какъ она поетъ, удаляясь.

Когда онъ вновь пришелъ,

Я лампы свѣтъ видала.

Когда онъ вновь пришелъ,

Она другою стала...

Я лампы свѣтъ видала.

Пѣсня рѣзко обрывается, и Аглавена тоже уходитъ.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

НА ВЕРШИНѢ БАШНИ.

Входитъ Селизета и маленькая Иссалина.

Селизета. Теперь какъ разъ время, моя маленькая Иссалина, больше я ужъ не спущусь отсюда, чтобы улыбнуться имъ еще разъ. Какъ холодно на башнѣ! Это сѣверный вѣтеръ заставляетъ блестять волны сегодня вечеромъ...

Иссалина. А гдѣ же птичка, сестренка?

Селизета. Надо подождать, когда солнце опустится на самое дно моря, и на горизонтѣ погаснетъ послѣдній лучъ, потому что она боится свѣта... Ни она, ни солнце еще никогда не встрѣчались.

Иссалина. А если будутъ звѣзды, сестренка?

Селизета. А если будутъ звѣзды... Глядя на небо. Въ небѣ еще нѣтъ звѣздъ, но онѣ ужъ готовы прорѣзать его со всѣхъ сторонъ, надо спѣшить, а то будетъ еще ужаснѣе, когда онѣ появятся...

Иссалина. Миѣ холодно, сестренка...

Селизета. Сядемъ здѣсь, около стѣны, она защититъ насъ отъ вѣтра, и будемъ ждать, когда за моремъ погаснетъ послѣдняя красная полоска. Видишь, какъ медленно опускается солнце?... Когда его больше не будетъ.

я пойду посмотрю. Дай я заверну тебя въ свой бѣлый шарфъ, мнѣ онъ больше не нуженъ...

Иссалина. Ты цѣлуешь меня слишкомъ крѣпко, сестренка!

Селизета. Это оттого, что я слишкомъ счастлива, Иссалина, я никогда не была счастливѣе, чѣмъ сегодня... Посмотри на меня хорошенько,—развѣ я не прекраснѣе, чѣмъ была прежде?.. Я чувствую, что я улыбаюсь, улыбаюсь... а ты не улыбаешься мнѣ?

Иссалина. Нѣтъ, ты говоришь слишкомъ скоро, сестренка...

Селизета. Развѣ я говорю скоро?.. Это оттого, что я тороплюсь...

Иссалина. Да, и потомъ ты рвешь мои цвѣты...

Селизета. Какіе цвѣты?.. Ахъ эти... я забыла, что они твои...

Иссалина. Я не хочу, чтобы ты плакала, сестренка...

Селизета. Вѣдь я же не плачу, моя маленькая Иссалина... И оттого-то въ особенности и не надо воображать... это оттого, что я улыбаюсь, кажется, будто плачу...

Иссалина. Зачѣмъ же твои глаза дѣлаютъ такъ, какъ будто они плачутъ?

Селизета. Я не могу знать, что дѣлаютъ мои глаза... Но запомни хорошенько слѣдующее,—если ты скажешь кому-нибудь, что я тебѣ казалась грустной, то ты будешь строго наказана.

Иссалина. Почему?

Селизета. По причинамъ, которыя ты когда-нибудь узнаешь... А потомъ не слѣдуетъ меня такъ спрашивать,—ты еще такое маленькое существо, которое не можетъ по-

нять того, что понимают другіе... Въ твои годы я тоже ничего не понимала и даже много позже... Я дѣлаю то-то и то-то, но самое важное совсѣмъ не то, что ты видишь... Видишь ли, моя маленькая Иссалина, я не могу этого сказать, но мнѣ необходимо высказать кому-нибудь, такъ тяжело знать одной...

Иссалина. Уже почти не видно солнца, сестренка...

Селизета. Подожди, подожди еще немножко, моя маленькая Иссалина, потому что, по мѣрѣ того какъ оно удаляется, приближается другая вещь, и я вижу все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того, какъ она приближается... Не знаю, хорошо ли я сдѣлала, что привела тебя на башню, а между тѣмъ необходимо, чтобы кто-нибудь былъ здѣсь, такъ какъ найдутся люди, которые захотятъ знать все и которые будутъ счастливы только тогда, если ничего не узнаютъ... А теперь, сестренка, не забывай того, что я тебѣ говорю сейчасъ... Да, но наступитъ день, когда ты все вспомнишь и поймешь все, что ты не поняла въ то время, какъ смотрѣла... И тебѣ станетъ грустно, и ты никогда не сможешь забыть то, что увидятъ твои глаза... А вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ не нужно, чтобы ты видѣла, ничего не понимая, чтобы и другіе не поняли ничего?.. Но когда ты вырастешь большая, ты не сможешь удержаться отъ слезъ и, пожалуй, это будетъ давить тебя всю жизнь... Потому-то я и прошу тебя простить меня сегодня, хотя ты ничего не понимаешь, за то, что ты будешь страдать потомъ, когда поймешь все слишкомъ хорошо...

Иссалина. Стада возвращаются, сестренка...

Селизета. И завтра также будутъ возвращаться стада, Иссалина...

Иссалина. Да, сестренка...

Селизета. И птицы будутъ пѣть также и завтра...

Иссалина. Да, сестренка...

Селизета. И цвѣты будутъ также благоухать и завтра...

Иссалина.. Да, да, сестренка...

Селизета. Зачѣмъ нужно, чтобы самая молодая...

Иссалина. Осталась только крошечная красная полоска, сестренка...

Селизета. Ты права, уже время... Ты сама толкаешь меня на это.. и звѣзды тоже теряютъ терпѣніе... Прощай, моя Иссалина, я очень, очень счастлива...

Иссалина. И я тоже, сестренка... но торопись, а то сейчасъ появятся звѣзды...

Селизета. Не бойся, Иссалина, онѣ меня больше не увидятъ. Встань, садись вотъ въ этотъ уголокъ, дай я стяну тебѣ на груди концы моего шарфа, вѣтеръ страшно холодный... Любила ли ты меня въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, нѣтъ, не отвѣчай, я это знаю, знаю... Я придвину сюда, четыре большихъ камня, чтобы ты не могла подойти къ большому отверстию, въ которое я свѣшусь... Не бойся, если ты меня больше не будешь видѣть,—это будетъ значить, что понадобится спуститься съ другой стороны. Не жди меня и спускайся одна съ каменной лѣстницы... И смотри, не подходи къ этой стѣнкѣ, чтобы узнать, что я тамъ дѣлаю... Ты ничего не увидишь и будешь наказана... Я буду ждать тебя внизу. Поцѣлуй меня, Иссалина, и скажи бабушкѣ...

Иссалина. Что сказать ей, сестренка?

Селизета. Ничего, ничего, я думала, что забыла одну вещь... Она подходит къ развалившейся стѣнѣ со стороны моря и свѣшивается. Море кажется такимъ холоднымъ и глубокимъ...

Иссалина. Сестренка?...

Селизета. Вотъ она, я вижу ее... Сиди смирно...

Иссалина. Гдѣ она?

Селизета. Подожди, подожди... Надо свѣситься еще...
Иссалина!.. Иссалина!.. Камни колеблются!.. Я падаю.. О!..

Часть стѣны подается. Слышенъ стукъ паденія, слабый крикъ ужаса. Затѣмъ долгое молчаніе.

Иссалина, поднимаясь вся въ слезахъ. Сестренка!.. Сестренка!.. Гдѣ ты?.. Мнѣ страшно, сестренка!..

Она рыдаетъ одна на верхушкѣ башни.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

КОРИДОРЪ ВЪ ЗАМКѢ.

Входятъ Аглавена и Мелеандръ.

Мелеандръ. Она только что заснула, но всѣ мои мольбы не могли вырвать ни слова надежды у докторовъ, — они сейчасъ уѣзжаютъ. Она упала на кучу песку, которую морской вѣтеръ занесъ у самаго подножія башни, словно

нарочно, чтобы осторожно принять ее. Тамъ и нашли ее служанки въ то время, какъ ты думала встрѣтить ее на дорогѣ въ деревню... На ней не оказалось ни одной царапины, и ея маленькое тѣло кажется неповрежденнымъ, только струя крови все время течетъ изъ ея губъ... А когда она открыла глаза, то улыбнулась мнѣ, не говоря ни слова...

Аглавена. Но Иссалина... Что говорить Иссалина? Мнѣ сказали, что она была съ ней...

Мелеандръ. Я спрашивалъ ее... Ее нашли дрожащую отъ холода и ужаса на башнѣ... Она только повторяетъ, плача, что стѣна рухнула въ то время, какъ Селизета свѣсилась, чтобы поймать пролетающую птицу... Когда я встрѣтилъ ее сегодня послѣ полудня какъ разъ здѣсь между этими двумя колоннами, она мнѣ показалась менѣе грустной, чѣмъ обыкновенно. „Она казалась менѣе грустной, чѣмъ обыкновенно“—развѣ эти четыре слова не осуждаютъ насъ обоихъ... И теперь все, что она тамъ говорила, все, что она дѣлала, поднимаетъ во мнѣ ужасное подозрѣніе, которое разобьетъ мою жизнь... Любовь такъ же жестока, какъ и ненависть... Я не вѣрю больше... не вѣрю. И все мое отчаяніе превращается въ отвращеніе... Мнѣ противна красота, которая влечетъ за собой горе... Противенъ разсудокъ, который хочетъ быть слишкомъ прекраснымъ... Противна судьба, которая ничего не признаетъ, противны слова, которыя обманываютъ звѣря, противна жизнь, которая не слушаетъ жизни...

Аглавена. Мелеандръ...

Мелеандръ. Чего ты хочешь отъ меня?

Аглавена. Пойдемъ... пойдемъ... Я хочу ее видѣть, потому что это невозможно... Надо узнать... Она не сдѣлала этого нарочно. Она не могла этого сдѣлать, потому что тогда...

Мелеандръ. Что тогда?..

Аглавена. Намъ необходимо узнать.. Пойдемъ, пойдемъ... Все равно, какимъ образомъ... Она должна была слишкомъ страдать, чтобы дойти до этого... И я больше не знаю... Я больше не могу...

Поспѣшно увлекаетъ его.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

КОМНАТА СЕЛИЗЕТЫ.

Селизета лежитъ на постели, входятъ Аглавена и Мелеандръ.

Селизета, приподнимаясь. Это ты, Аглавена?.. Это ты, Мелеандръ?.. Я ждала васъ обоихъ, чтобы стать совсѣмъ счастливой...

Мелеандръ, весь въ слезахъ, бросаясь къ постели. Селизета!..

Селизета. Что съ вами?.. Вы оба плачете?..

Аглавена. Селизета! Селизета!.. Что ты сдѣлала?.. Ахъ, я несчастная...

Селизета. Что случилось, Аглавена?.. Ты какъ будто взволнована... Развѣ я сдѣлала что-нибудь такое, что дѣлаетъ тебя несчастной?..

Аглавена. Нѣтъ, нѣтъ, моя бѣдная Селизета, не ты дѣлаешь меня несчастной, это я сама убиваю тебя... Это я сама не сдѣлала ничего изъ того, что должна была сдѣлать...

Селизета. Я не понимаю... Что же случилось?

Аглавена. Я должна была это знать, и мнѣ кажется, что я знала, когда говорила съ тобой на дняхъ... Вотъ уже больше недѣли что-то безъ отдыха кричить въ моемъ сердцѣ, а я не знала, какъ поступить, я ничего не могла, тогда какъ самое простое слово, произнесенное самымъ простымъ существомъ, могло бы спасти жизнь, которая этого только и ждала...

Селизета. Но что же ты знала?

Аглавена. Когда ты третьяго дня говорила мнѣ о своей мысли... и сегодня утромъ... и послѣ полудня... я бы должна была прижать тебя къ себѣ до тѣхъ поръ, пока твоя идея не упала бы, какъ раздавленная кисть винограда. Нужно было погрузить обѣ руки въ твою душу и отыскать смерть, которая, я это чувствовала, жила тамъ. Нужно было что-то вырвать любовью... И я ничего не сумѣла сдѣлать... и я глядѣла, ничего не замѣчая, но несмотря ни на что, я не могла не видѣть... Да, у послѣдней дѣвушки изъ этой бѣдной деревушки нашлись бы поцѣлуи, чтобы спасти нашу жизнь... Я оказалась невыразимо трусливой, или же невыразимо слѣпою... И, можетъ быть, въ первый разъ я, какъ маленькій ребенокъ, убѣждала отъ истины... Я больше ужъ не смѣю спрашивать себя... Прости меня, Селизета, я больше ужъ не буду счастлива...

Селизета. Увѣряю тебя, что я ничего не понимаю...

Аглавена. Не бѣги и ты отъ истины... видишь, что случается, когда не слушаешь того, что говорить въ тебѣ въ самой глубинѣ души...

Селизета. Что же ты слышала изъ самой глубины своей души?

Аглавена. Я слышала день и ночь, что ты ищешь смерти...

Селизета. Я не искала ея, Аглавена, это она сама нашла меня, безъ того, чтобы я шла ей навстрѣчу...

Аглавена. Она пожалѣла насъ всѣхъ, и, какъ видишь, она не искала тебя, потому что убѣжала, когда ты погналась за ней...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, моя Аглавена, она просто ждетъ, когда ты станешь счастливѣе...

Аглавена. Ей придется долго ждать, моя бѣдная Селизета...

Селизета. Слушай, я очень рада, что ты пришла сейчасъ, а то я чувствую, что не долго буду благоразумна... Что-то туманить мнѣ глаза... Но то, что я скажу тебѣ сейчасъ... Я и сама не знаю, что скажу... Ты знаешь, у умирающихъ бываютъ странныя мысли... Я всего разъ видѣла, какъ умираютъ... Теперь моя очередь... Итакъ, не обращай вниманія на то, что я скажу сейчасъ... Но пока я еще знаю, что говорю, и только это одно ты должна слушать и запомнить... Мнѣ кажется, что у тебя есть подозрѣнїе, Аглавена...

Аглавена. Какое у меня можетъ быть подозрѣнїе, моя бѣдная Селизета?..

Селизета. Ты думаешь, что...

Аглавена. Да...

Селизета. Ты думаешь, что я упала нарочно?

Аглавена. Я въ этомъ увѣрена, Селизета...

Селизета. Говорять, что, умирая, не лгутъ больше, и потому я хочу сказать тебѣ правду...

Аглавена. Я знала, что ты любишь на столько, чтобы имѣть мужество сказать намъ ее...

Селизета. Я упала нечаянно... Это ты плачешь, Меандръ?

Аглавена. Выслушай же и ты меня, Селизета... Ты понимаешь, что мы знаемъ правду. И если я спрашиваю тебя теперь, такъ вовсе не потому, что сомнѣваюсь, но я бы хотѣла, чтобы у тебя не было больше сомнѣній... Моя бѣдная, маленькая Селизета, я преклоняюсь передъ тобой, потому что ты такъ прекрасна. Ты просто сдѣлала самую прекрасную вещь, которую только можетъ сдѣлать любовь, когда заблуждается. Но теперь я тебя прошу сдѣлать нѣчто еще болѣе прекрасное во имя другой любви, которая не заблуждается. Въ эту минуту ты держишь въ своихъ рукахъ глубочайшее спокойствіе всей нашей жизни...

Селизета. О какомъ спокойствіи говоришь ты, Аглавена?

Аглавена. Я говорю объ очень грустномъ и глубокомъ спокойствіи...

Селизета. Но какимъ образомъ могу я вамъ дать такое глубокое спокойствіе?.. Я не вижу въ себѣ ничего, гдѣ бы я могла почерпнуть его...

Аглавена. Намъ просто нужно, чтобы ты сказала, что захотѣла умереть, чтобы устроить наше счастье.

Селизета. Я бы хотѣла сказать тебѣ это, но это

немыслимо, потому что это неправда... Неужели же ты думаешь, что лгутъ такъ передъ смертью?..

Аглавена. Умоляю тебя, Селизета, не думай о смерти. Я отдаю тебѣ всю мою жизнь, когда цѣлую тебя... Ты не можешь умереть, когда я вдыхаю жизнь въ твою душу... Боже! Что надо сдѣлать, чтобы удержать ее?.. Я бы поняла эту ложь, если бы смерть была здѣсь... Но она далеко отъ насъ, и вся наша жизнь жаждетъ правды... всей правды твоей любви, такой прекрасной, чтобы полюбить тебя еще сильнѣе... Не говори „нѣтъ“... Не качай головой, ты отлично знаешь, что не ошибаются, когда говорятъ такъ...

Селизета. И все-таки ты ошибаешься, Аглавена...

Аглавена. Значить мы будемъ плакать за тысячи верстъ одна отъ другой...

Селизета. Почему ты не хочешь вѣрить тому, что я говорю тебѣ правду?

Аглавена. Потому что нѣтъ ни одного слова, ни одного поступка, который не доказывалъ бы противное самому маленькому ребенку...

Селизета. Какие поступки?..

Аглавена. Зачѣмъ ты ходила прощаться съ бабушкой?

Селизета. Но я прощалась съ ней всегда, когда уходила изъ дома...

Аглавена. Зачѣмъ... Но къ чему все это, моя Селизета?.. Развѣ не низко допрашивать такъ, когда смерть застилаетъ глаза, когда отлично знаешь, что правда здѣсь, здѣсь у меня подъ руками близко-близко отъ моего сердца...

Селизета. Я думала, что буду счастлива, а ты огорчаешь меня своими сомнѣніями... Что мнѣ сдѣлать, чтобы ты не сомнѣвалась больше?..

Аглавена. Скажи только правду, Селизета..

Селизета. Но какой же правды ты хочешь, Аглавена?

Аглавена. Это я толкала тебя, не подозрѣвая того...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, никто не толкалъ меня...

Аглавена. Достаточно бываетъ одного слова, чтобы освѣтить цѣлую жизнь, и я на колѣняхъ умоляю тебя произнести это несчастное слово... Если хочешь, скажи мнѣ это потихоньку, сдѣлай знакъ мнѣ глазами, даже Мелеандръ никогда не узнаетъ...

Мелеандръ. Аглавена права, Селизета... И я тоже прошу тебя.

Селизета. Я упала, свѣсившись надъ краемъ...

Аглавена. Ты такъ часто спрашивала меня, какъ бы я поступила на твоемъ мѣстѣ...

Селизета. Я упала, свѣсившись надъ краемъ...

Аглавена. Ты не знаешь, почему я это спрашиваю у тебя?

Селизета. Знаю, знаю, я отлично вижу, что это было бы прекраснѣе, но это не была бы правда...

Аглавена, рыдая. Боже! Какъ мы бѣдны! Въ сравненіи съ тѣмъ, кто любить просто...

Селизета. Аглавена...

Аглавена. Селизета?... Что съ тобой... Ты блѣднѣешь... ты страдаешь сильнѣе...

Селизета. Нѣтъ, я страдаю отъ радости... Ахъ, какъ ты плачешь, Мелеандръ...

Мелеандръ. Селизета...

Селизета. Не плачь такъ, мой бѣдный Мелеандръ... Вотъ теперь-то мы и любимъ... Не о чемъ даже двухъ слезъ пролить... Вы сейчасъ увидите, какъ я буду улыбаться вамъ, когда буду мертвая... Вы и не повѣрите, что я мертвая,—такой я буду выглядѣть счастливой... Если тогда улыбаются, то значить счастливы до самой глубины души... Я даже не понимаю, какъ можетъ быть у меня, такой маленькой, цѣлый рай въ сердцѣ.. и мнѣ минутами страшно уйти со всѣмъ счастьемъ... Какъ? И ты плачешь, Аглавена? Развѣ же это не счастье?..

Аглавена. Дай намъ глубочайшее спокойствіе, Селизета...

Селизета. Я возвращу тебѣ то спокойствіе, которое ты мнѣ дала, Аглавена...

Аглавена. Ты могла бы намъ дать его и не даешь...

Селизета. Между тѣмъ то, что у меня,—такое большое. .

Аглавена, рыдая. Самъ Богъ былъ бы виновать передъ тобой, Селизета...

Селизета. Но зачѣмъ ты уходишь? Бабушка говорила мнѣ.. Зачѣмъ ты уходишь, дѣтка? Причиной этого найденный ключъ, бабушка, найденный ключъ...

Аглавена. Селизета!..

Селизета, приходя въ себя. Иссаина?.. Что я сказала?.. Скажи мнѣ, что я сказала?.. Это неправда.. я предупреждала тебя...

Аглавена. Ничего... ничего... Ты ничего не сказала, моя бѣдная Селизета...

Селизета. Я предупреждала тебя... Все, что я, быть можетъ, скажу сейчасъ,—неправда... Надо простить меня... Душа становится такой слабой... Я говорила о бабушкѣ?..

Аглавена. Да...

Селизета. Да, я хотѣла тебѣ сказать... нужно приподнимать ее, не дотрогиваясь до рукъ... Я хотѣла научить тебя... но не хватило времени.. Ахъ... Осторожниѣе, Аглавена...

Аглавена въ слезахъ. Что съ тобой? Что съ тобой, Селизета?

Селизета. Ничего... ничего... хорошо... Я думала, что начинаю говорить неправду...

Аглавена. Я больше не буду спрашивать, Селизета...

Селизета. Положи мнѣ руку на губы, когда я перестану говорить правду... Обѣщай мнѣ.. обѣщай мнѣ это... прошу тебя...

Аглавена. Обѣщаю тебѣ, Селизета...

Селизета Мелеандру. Мнѣ надо что-то сказать ей, Мелеандръ... Мелеандръ тихо отходить. Онъ печалень... печалень... Ты когда-нибудь скажешь ему, когда придетъ забвеніе... Положи мнѣ скорѣе руку на губы, Аглавена... Мнѣ стало вдругъ больно...

Аглавена. Скажи мнѣ, скажи мнѣ, Селизета...

Селизета. Я забыла все, что хотѣла сказать... Это неправда, а ложь приближалась. Положи мнѣ руки на глаза, Аглавена.. Нужно, чтобы ты какъ открыла, такъ и закрыла ихъ... Это правда... правда...

Аглавена. Селизета?..

Селизета слабо. Я... я упала, свѣсившись надъ краемъ. Умираетъ.

Аглавена зоветъ, рыдая. Мелеандръ!

Мелеандръ рыдая, падаетъ на трупъ Селизеты. Селизета!

Конецъ.